

Борзунов Виктор Александрович

Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия; victor.borzunov@mail.ru

Генезис укрепленных поселений в Северной Евразии (неолит – начало эпохи бронзы)

Аннотация. В неолите у первобытных земледельцев-скотоводов Ближнего Востока зарождаются и распространяются на ближайших территориях первые в мире укрепленные поселения, окруженные фортификациями из камня и глины (VIII – начало VI; конец VI – конец IV тыс. до н.э.). В энеолите и эпоху бронзы (III – первая половина II тыс. до н.э.), благодаря разнообразным межэтническим контактам, а главное – одновременным миграциям больших масс земледельческого и скотоводческого населения, укрепленные поселки, башенные жилища, протогорода, городища и культовые центры с разнообразной оборонной архитектурой распространяются в первобытных и раннеклассовых обществах Передней и Центральной Азии, Египта, Кавказа, Северо-Западной Индии, Западной и Восточной Европы (за исключением северных лесных территорий), а также в степях и формирующемся поясе лесостепей Евразии, включая Южный Урал, Казахстан и юг Западной Сибири. Независимо от этого, в неолите, энеолите и первой половине эпохи бронзы поселения с земляными и деревоземляными фортификациями появляются в обществах земледельцев-скотоводов долин Хуанхэ и Янцзы (IV, середина III – середина II тыс. до н.э.), а также далеко на севере Евразийского континента – у охотников-рыболовов таежного Приобья и Зауралья (VI–IV, III – середина II тыс. до н.э.).

Ключевые слова: Старый Свет, евразийские степи, Западная Сибирь, неолит, энеолит, начало бронзового века, укрепленные центры.

Введение. Генезис укрепленных центров в Старом Свете. Укрепленные поселения, башенные жилища, протогорода и защищенные стенами культовые ансамбли-храмы эпохи

первобытности, по сравнению с синхронными неукрепленными поселками и сакральными объектами (стоянка, селище, становище, одиночный дом, святилище, ритуальный комплекс и т.д.), являются более развитым и совершенным типом места обитания, производственной, торгово-обменной, социальной, духовной и иной деятельности древнего человека. В силу относительного единства человеческого общества при специфике его локального развития, укрепленные объекты появляются на разных территориях, в разное время, при одинаковых или разных условиях. Самые первые из них формируются в доклассовых обществах и не ранее неолита. Заявления о наличии оборонительных сооружений в мезолите и, тем более, в палеолите, не подтверждены фактическим материалом.

Формирование древнейших на планете укрепленных центров в подавляющем большинстве случаев связано со становлением производящей экономики в варианте раннего земледелия-скотоводства. При этом между точкой перехода к новой, более прогрессивной экономике, чем собирательство, охота и рыболовство, и моментом создания укрепленных объектов наблюдается хронологический разрыв, то есть период «бесфортификационного» развития, насчитывающий от одного-трех тысячелетий (неолит, энеолит) до нескольких сот лет (эпоха бронзы, ранний железный век).

Появившись в одном или нескольких центрах, идея создания укрепленного поселения, а также некоторых конкретных типов и разновидностей первобытных фортификаций, разными способами и в разных условиях (миграции, войны, социальные, торгово-обменные, духовные и иные контакты) постепенно, «волнами», распространяется из этих центров на окружающие и более отдаленные территории.

В рамках эпохи первобытности и начале формирования классовых обществ выделяется три этапа формирования и развития укрепленных центров в Старом Свете. *Первый (генезис)*: появление самых древних из них в эпоху неолита, в обществах ранних земледельцев-скотоводов Ближнего Востока (Израиль, Иордания, Палестина, Северный Ирак) в IX/VIII – начале VI тыс. до н.э. *Второй*: распространение во второй половине VI – начале IV тыс. до н.э. первобытных, пока еще немногочисленных, неолитических укреплений в пределах некоторых областей Передней Азии,

Индостана, Африки, Балкан, Средней Азии, возможно, Кавказа, благодаря контактам ранних земледельцев-скотоводов Ближнего и Среднего Востока с окружающими народами, а также в процессе прямых переселений осколков передовых обществ на новые территории. Кроме того, возможно и даже вероятно независимое зарождение прототипов и ранних образцов древнего монументального зодчества, в том числе оборонного, в Китае (долины Хуанхэ и Янцзы), а также появление простейших типов городищ и укрепленных жилищ – на севере Евразии (таежное Приобье и Зауралье). *Третий (с двумя фазами):* укрепленные поселения разных типов, башенные жилища, протогорода, ранние города, защищенные стенами храмовые комплексы и святилища начинают возводиться на огромных пространствах Евразии – от Западной Европы до Китая, включая на севере евразийские степи и Западную Сибирь (финал IV – третья четверть III; конец III – первая половина II тыс. до н.э.). Границей между началом и второй половиной этого этапа стала сильная засуха XXIII–XXII вв. до н.э., обусловившая крушение первых государств и «мировых» держав Старого Света, а также вынужденную миграцию части земледельческо-скотоводческого населения Ближнего и Среднего Востока на более северные территории Евразии. Очередное распространение укреплений в Старом Свете происходило в энеолите и эпоху бронзы, в условиях массовых переселений земледельческих общин, а главное – первых подвижных скотоводческих племен. Вместе с тем, помимо других территорий Евразии за пределами распространения древнейших образцов оборонного зодчества, за редким исключением, остались большие лесные пространства севера континента.

В южных регионах Евразии фортификации сооружались в основном из камня, глины и кирпича при вспомогательной роли дерева, в Китае – из больших блоков утрамбованного грунта (исключая два «города» второй половины III тыс. до н.э. на севере страны с каменной архитектурой – Хоучэнцзуй и Симао [Савушкин, 2022]), в лесостепных районах – из земли, дерна, а также из столбов и жердей, вытесанных из лиственных, реже хвойных пород деревьев, в лесном поясе – преимущественно из «строеного» леса (сосна, лиственница, кедр), иногда – из березы, а также из суглинков, супесей и песка (деревоземляные

фортификации) [Борзунов, 2020а, с. 98–260, 396; 2020б].

Согласно мнению В.М. Массона [1981, с. 34], с которым я согласен, древнейшие оборонительные сооружения, включая валы, стены и рвы, были полифункциональными. Они защищали жителей поселка и протогорода не только в периоды военной опасности, но и являлись более или менее надежной преградой от наводнений, сильных ветров, пылевых и снежных бурь, оползней, а также от нападений зверей. Между тем, хорошим убежищем и защитой от диких животных являлись обычный стационарный дом и огонь. *Несмотря на выше сказанное, главной причиной изобретения древнейших фортификаций была защита не от «агрессивного» природного мира, а от враждебного социального окружения.* При этом главной, хотя и не повседневной, функцией оборонительных сооружений, была эффективная система защиты населения поселка от врага, в том числе от более примитивного инородного окружения, сильного высокоразвитого неприятеля, мигрировавшего издалека, а также от соседних родственных коллективов, претендующих на земля, уголья и скот укрывавшейся за стенами общины, равно как и на весь произведенный продукт, хранившийся на территории «городка» или поблизости от него. Кроме того, сам угрожающий внешний вид укрепленного центра свидетельствовал о мощи и высоком уровне развития создавшего его коллектива, что предупреждало врагов от неосмотрительных набегов на него.

Древнейшие укрепленные поселения севера Западной Сибири и Среднего Зауралья: генезис и первая волна их распространения на Севере Евразии. В эпоху неолита, по радиоуглеродным калиброванным датам в рамках рубежа VII/VI – начала IV тыс. до н.э., разных типов укрепленные поселенческие объекты и их прообразы формируются в таежных областях Западной Сибири и горно-лесном Зауралье. В их число входят мысовое городище Амня I, три круглоплановых укрепления и одно прямоугольное, расположенные на холмах и краях береговых террас, защищенные частоколами, бревенчатыми стенами и рвами (Каюково II, Большая Умыгтя 9, Полудёнка I; Большая Умыгтя 57), прообразы одиночных береговых укрепленных жилищ (поселения Быстрый Кульеган 66, Микишкино 5, Усть-Тара XVIII), а также одно «островное» поселение, в настоящее время находящееся в окружении верховых болот на месте древнего водоема (Чэс-Тый-Яг)

(рис. 1, 1–9; 2–4). Все они были относительно небольшими: площадью от 260 до 900 м², реже 1600–1900 м², с одним–тремя либо с пятью–семью жилищами. При этом древнейшее в регионе и самое северное городище мира – Амня I – демонстрирует постепенную трансформацию огороженного бревенчатой стеной и рвом одиночного жилища, расположенного близ заброшенного мезолитического поселка на оконечности песчаного мыса, в одноплощадочное укрепление с тремя глубокими землянками и «посадам» из таких же жилищ, а затем – в двухплощадочное городище, защищенное с напольных сторон дуговидным частоколом и глубоким ступенчатым рвом (рис. 2). Предполагается, что на склонах мыса оборонительный пояс у него не прекращался, а представлял собой простейшую защитную стену типа *тургэ*, сооруженную из горизонтально уложенных друг на друга бревен, опирающуюся на большие растущие сосны [Бадер, 1949; Морозов, Стефанов, 1993; Бессмертных, Карачаров, 1996; Ивасько, Кондрашев, 2001; Горбунова, Толпеко, 2002; Ивасько, 2002; 2008; Васильев, 2004; Поселение Быстрый Кульёган 66..., 2006; Стефанов, Борзунов, 2008; Погодин, Миронов, 2009; Погодин, 2010; Борзунов, 2022а, с. 289–360; 2020б, с. 360–361].

В финале неолита и энеолите (конец IV – третья четверть III тыс. до н.э.), наряду с мысовыми городищами (Имнъёган 2.1, возможно, Нёх-урий 3.3, Каюково 1), в таежном Приобье зарождается оригинальный тип поселений – большое одиночное бревенчатое укрепленное жилище, окруженное рвом и, в ряде случаев, дополнительной бревенчатой стеной типа заплота или тургэ (Нёх-урий 3.3 – 1-я площадка, Нивагальское 20, Волвонча I – нижний горизонт, Теплый Ручей) [Кокшаров, Стефанова, 1993; Карачаров, 2004, с. 469; Перевалова, Карачаров, 2006, с. 46–47; Борзунов, 2016; 2022а, с. 289–401] (рис. 1, 10–15; 5).

Формирование разных вариантов неолитических укрепленных поселений в тайге происходило в процессе первого массового освоения северных и центральных территорий Западной Сибири выходцами из южных лесов и сопредельных степных пространств. Первыми в тайгу проникли рыболовы и охотники, хорошо ориентировавшиеся в лесах, умевшие пользоваться водным транспортом, способные преодолевать большие водные пространства, покрытые зимой

льдом, и не практиковавшие производящих отраслей хозяйства. Толчком к этой миграции стал глобальный климатический оптимум конца эпохи камня. Главной же причиной строительства первых укреплений в тайге стали раздел и закрепление относительно свободных лесных территорий в условиях притока населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами мигрантов, потомками аборигенов края эпохи мезолита и новыми смешанными коллективами [Борзунов, 2020б, с. 360–361].

Климат в эпоху неолита в Сибири был более теплый, чем современный. Тем не менее уровень вод в реках и озерах сохранялся высокий, тем более в энеолите, отмеченном в этих краях похолоданием и увлажнением. Это определило локализацию укрепленных объектов на относительно высоких местах. В свою очередь, сооружение жилищ-землянок с глубокими (0,7–1,8 м) котлованами, занимавшими основную часть помещения, в отличие от местных наземных каркасных построек эпохи мезолита со слабо углубленными или неуглубленными полами, указывает на то, что прибывшему на север Сибири новому населению было явно некомфортно на новых территориях в зимнее время. В дальнейшем – в эпоху бронзы и раннем железном веке – жилища таежного Приобья как бы «выходят на поверхность». Глубины их котлованов становятся мельче или сводятся до минимума (0,2–0,4 м), несмотря на периодические сильные похолодания и более сложную климатическую обстановку, по сравнению с неолитической [Борзунов, 2016; 2018, с. 368–369; 2022а, с. 382–395].

Древнейшие укрепленные поселения Евразийской степи.

На западном конце евразийской степной полосы и в соседних лесостепных областях Северо-Западного Причерноморья древнейшие прототипы укреплений и первые их сложившиеся варианты – укрепленные круглоплановые поселки, окруженные кольцевыми рвами, а также мысовые городища, оконтуренные с напольной стороны глубокими канавами и, возможно, дополненные защитными стенами из дерева, были связаны с культурной общностью Кукутень-Триполье, представленной общинами ранних земледельцев-скотоводов эпохи энеолита (по С¹⁴: VI/V – начало IV тыс. до н.э.).

Изменение климатической обстановки в Евразии в сторону

осушения во второй половине III тыс. до н.э. стало одной из главных причин перехода племен юга Восточной Европы от оседлого земледелия и придомного содержания животных к подвижному скотоводству и выделению скотоводов из общей массы первобытного земледельческо-скотоводческого населения [Энеолит СССР..., 1982, с. 166–240, 321–333].

На западной окраине скотоводческого мира, в степной зоне Северо-Западного Причерноморья, локализовались поселения усатовского варианта позднего Триполья. Они располагались на краях высоких плато, по берегам рек и лиманов. Некоторые из них были защищены рвами. Вместо традиционных наземных одно- и двухэтажных трипольских глинобитных домов на них сооружались простые и примитивные полуземлянки, а также легкие каркасные наземные жилища. На самом Усатовском поселении открыты прямоугольные постройки из плит известняка.

В европейских степях северу от Черного моря к этому периоду относятся единичные укрепления, открытые в Нижнем Приднепровье и Северном Причерноморье: многослойное поселение Михайловское, возможно, Скеля-Каменоломня, Маяки и др. Они сооружались на высоких берегах рек и гранитных останцах, с напольных сторон были дополнены фортификациями. Края террас, выходявшие к отвесному склону, защиты, по-видимому, не требовали. При возведении оборонительных стен и жилищ использовались глыбы известняка и грубо расколотые плиты гранита. Техника строительства была разнообразная и довольно высокая. Практиковалось возведение стен в виде «насыпи-забутовки», сложенной из грунта и мелких камней с каменной облицовкой с двух сторон. В системе каменной кладки использовался принцип «перевязки швов». Широко применялась кладка, состоящая из вертикально и горизонтально поставленных плит и камней, местами обмазанных раствором. Для выравнивания основания стен под плиты «заклинивались» мелкие камни. Щели между камнями заполнялись землей. В основании других стен фиксировался слой плит, уложенных плашмя, а основная кладка состояла из глыб «рваного» известняка [Шапошникова, 1957; Коробкова, Шапошникова, 2005; Коробкова, 2006; Кузьминых, 2012; Борзунов, 2020а, с. 240–245].

Племена степных скотоводов ямной, катакомбной и других культур (культурно-исторических общностей – КИО), мигрировавшие несколькими потоками в III тыс. до н.э. на северо-восток (Подонье, Среднее Поволжье) и восток (из Северного Причерноморья, Предкавказья и Нижнего Поволжья до Алтая и Минусинской котловины), «принесли» с собой в евразийскую степь и горные районы Алтая, помимо подвижного скотоводства, навыки поиска и добычи руд для производства цветного металла. Тем не менее, в степях и горах Азии ни они, ни их первые вероятные потомки, в том числе племена афанасьевской культуры, так и не создали укрепленных поселений – по причине ненадобности таковых в условиях подвижного хозяйства и отсутствия реального враждебного окружения.

После катастрофической засухи XXIII–XXII вв. до н.э. наступил ксеротерм – теплый и влажный период (вторая половина XXI – XVIII в. до н.э.). Евразийские степи покрылись травами. Вдоль «оживших» рек и ручьев сформировались ленточные боры с включением лиственных и хвойных пород деревьев. Эти некогда «мертвые» обширные и малонаселенные пространства стали максимально благоприятными для ведения производящего хозяйства в больших масштабах. В свою очередь, в новых условиях резко увеличилось население южных и центральных областей Европы. Входом из кризиса стали массовые переселения части европейских племен на восток – в поисках новых пастбищ и источников медных руд. В миграциях, в первую очередь, участвовали группы скотоводов, по которым сильнее всего ударил экологический кризис [Мимоход, 2022, с. 138].

В рамках этих движений выделяется несколько основных потоков. Среди них для темы нашего анализа важнейшими являются три, которые способствовали передаче в степные и южнотаежные районы Евразии культурных достижений развитых обществ Юга и Запада Евразии, включая традиции медного и бронзолитейного производства, а главное – идей «градостроительства» и оборонного зодчества [Борзунов, 20206].

Самый северный маршрут был проложен скотоводческими коллективами, вышедшими из общности-области носителей шнуровой керамики и боевых каменных топоров. Переселенцы постепенно продвигались на восток и северо-восток, по-видимому,

из Южной Прибалтики, Поднепровья и Карпат, по границам леса и формирующейся лесостепи Восточной Европы. В конце III тыс. до н.э. они достигли Верхнего и Среднего Поволжья, заняв часть территорий энеолитических поздневолосовских племен. В этом ареале оформилась балановская (фатьяновско-балановская) культура и эпонимный очаг цветной металлургии. Хронологические рамки последних в системе калиброванных радиоуглеродных дат укладываются в интервал 2600–1850 гг. до н.э. [Бадер, 1964, с. 173; Бадер, Халиков, 1987, с. 76–83; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 145–150, рис. 68; Археология..., 2006, с. 203–205; Кузьминых, 2017]. В результате этого переселения, на стыке Волго-Камья, Верхнего и Среднего Поволжья появилась первая подлинная крепость, руины которой представлены Васильсурским II городищем (рис. 6, 32; 11, А). Укрепление возведено в устье р. Суры, на высоком (60 м) коренном мысу; с напольной стороны было защищено бревенчатой стеной, валом и рвом шириной 1,8–2 м, глубиной 1–1,3 м. Строителями его являлось позднебалановское (фатьяновско-балановское) население, вступившее в тесные контакты с потомками поздневолосовских (выжумских) племен, противостоявшее мигрантам новой волны – носителям средневожжской абашевской культуры [Халиков, Халикова, 1963; Пряхин, Халиков, 1987, с. 124–131; Соловьев, 2000, с. 30–31, 55–59; Никитин, Соловьев, 2002, с. 12, 43–44, 77].

Помимо этого, в конце III – начале II тыс. до н.э. в Пермском Приуралье и Марийском Поволжье появились местные прообразы укреплений: «подкрепленное» поселение на низком холме с жилищами расставленными по овалу и соединенных крытыми коридорами (Астраханцевское на р. Каме) [Бадер, 1959], а также поселок на высоком (16 м) мысу, с «зимними» жилищами, выстроенными рядами и соединенными переходами в единый «замкнутый» труднодоступный комплекс (Галанкина Гора на р. Волге) [Халиков, 1960, с. 81–93; Халиков, Халикова, 1967, с. 111–112; Соловьев, 1987, с. 79–101; 2000, с. 28–29, 116–126, рис. 18–45; Соловьев, Никитина, 1999; Никитин, Соловьев, 2002, с. 73–75, табл. 23, 4–8; 24, 1–6] (рис. 6, 29, 31; 9; 10, А;). Первый памятник оставлен населением гаринской культуры, второй – чирковскими племенами, сформировавшимися на основе местных энеолитических поздневолосовских при участии пришлого балановского населения

и носителей культуры ранней валиковой керамики. Эти объекты продолжили линию развития селищ аборигенов края – охотников-рыболовов неолита и энеолита. Важнейшей чертой планировки этих поселков являлись выстроенные в одну–три линии полуземлянками, соединенные крытыми переходами (Ахмыловское II, Уржумкинское, Сутырское II, Майданское, Красный Мост III и др.) [Никитин, 1991; Соловьев, 2000; Никитин, Соловьев, 2002]. Упомянутые выше лесные объекты входят в четвертый (IV) ареал распространения укрепленных поселений на севере Евразии, а ниже охарактеризованные урало-казахстанские степные – в пятый (V).

Второй поток представлен племенами предков абашевской КИО, продвигавшихся из обширной области культур колоколовидных кубков и территорий других культурных объединений периода ранней бронзы – из южных областей Западной и Центральной Европы (Южная Германия, Карпато-Дунайский регион) – по степям Восточной Европы в Среднее Поволжье [Мимоход, 2022, с. 122–138]. В районе среднедонского варианта абашевской общности открыто одно мысовое укрепленное поселение – Шиловское на р. Воронеж. Поселок вытянутого овального плана. Исследованные объекты представлены восемью большими жилыми и хозяйственными полуземлянками, одной небольшой углубленной постройкой, несколькими наземными строениями, а также серией хозяйственных ям и линией ограждения. Кроме того, к абашевскому периоду относились два жертвенных места-святилища и отдельные погребения. Жилища-полуземлянки располагались по краям поселенческой площадки – вдоль краев мыса и фортификаций, а центр ее был относительно свободен. Оборонительная система была, по-видимому, замкнутая. Она включала бревенчатую оборонительную стену, от которой сохранились две линии ямок от столбов, а также внешний ров. Отрезки его вскрыты с напольной восточной стороны мыса и на его южном краю [Пряхин, 1976, с. 10–46; Пряхин, Халиков, с. 124].

В Среднем Поволжье подвижные абашевские скотоводы оставили только кратковременные стоянки-стойбища и могильники, датирующиеся в пределах 2200–1900 гг. до н.э. (определения калиброванные [Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 41]). В Верхнем

Поволжье кочевое население столкнулось с фатьяновско-балановскими племенами и, возможно, пришедшими из-за Урала хорошо вооруженными группами носителей сейминско-турбинских бронз. Печальные исходы некоторых битв «запечатлены» в широко известных Абашевском, Пепкинском, Алгашинском и Катергинском курганных могильниках, в которых обнаружены групповые и одиночные захоронения убитых абашевских воинов [Кривцова-Гракова, 1947; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966; Медникова, Лебединская, 1999; Рындина, Дегтярева, с. 163, рис. 74; Кузьминых, 2014]. Несмотря на это, некоторые исследователи считают, что «не стоит недооценивать местный компонент в сложении культуры (средневожской абашевской – В.Б.), связанный с фатьяновско-балановскими древностями» [Мимоход, 2022, с. 138].

В поисках пастбищ и месторождений медной руды носители средневожской абашевской культуры были вынуждены свернуть на восток и переправиться через Волгу. В предгорьях Урала, в бассейнах Белой и ее правых притоков, низовьях Уфы и верховьях Урала, их поселения и могильники образовали уральский (баланбашский) вариант абашевской КИО, функционировавший приблизительно в 1880–1740 (1920–1690) гг. до н.э. [Сальников, 1967; Горбунов, 1986; Кузьмина О., 1992; Чечушков, 2011, с. 19]. Небольшие «экспедиции» рудознатцев и металлургов баланбашской культуры периодически проникали вверх по Уфе в таежную зону Урала, о чем свидетельствует исследованный памятник Серный Ключ [Борзунов и др., 2020в]. На Южном Урале открыты два абашевских укрепления. Первое – мысовое поселение Тюбук с шестью раскопанными постройками абашевского и срубного периодов. По мнению В.С. Горбунова, самый большой абашевский объект на нем представлял собой «поселение-крепость полукольцевой формы» [Горбунов, 1993; 2000; Обыденнов и др., 2001]. Второе укрепление – возможно, самое раннее на Южном Урале: Мало-Кизильское (Малокизильское) селище. Памятник сильно разрушен распашкой. По разным версиям, абашевский поселок занимал оконечность мыса либо весь выступ и сопредельное пространство площадью от 5 до 12 тыс. м². Между вскрытыми жилищами обнаружена канава шириной 1,4 м, глубиной 0,8 м. Точное назначение ее не ясно, но не исключено, что это был оборонительный ров либо остатки основания частокола. Крепость,

вероятно, была взята приступом и сожжена. На это указывают следы пожара и найденные на ее руинах обугленные костяки взрослых и детей, которые лежали в неестественных позах [Сальников, 1952; 1954, с. 67–68; 1967, с. 18–20; Пряхин, 1976, с. 108–120; История Южного Урала..., 2019, с. 280–281].

В низовьях Дона проведены раскопки Ливенцовско-Каратаевской крепости, занимающей два смежных участка второй террасы, возвышающейся на 20–24 м над р. Мертвый Донец. Укрепление – полукруглой в плане формы с каменной жилой и защитной архитектурой. С напольной стороны обнесено оборонительным рвом, выкопанным и частично вырубленным в известняковой скале, с циклопической каменной облицовкой и перемычками, служившими проходами. Ров широкий и глубокий (до $6 \times 2\text{--}3$ м), с крутыми стенками и ровным дном. С внутренней стороны к нему примыкала стена, сложенная из крупных, дополнительно не обработанных камней, точнее из «рваных» кусков известняка-ракушечника, добытого при прокопке рва. В стене фиксировались многочисленные узкие «калитки». Вместе с перемычками во рву они чередовались в шахматном порядке и в плане образовывали уступчатую линию. В целом же крепостная стена была не сплошная, а прерывистая, меандридная. Она состояла из внешнего и внутреннего панцирей, забутовки (щебенка, мелкие камни) между ними, а также имела плоское деревянное перекрытие. Ширина ее достигала примерно 1,5 м, высота с внешней стороны – 3–4 м. Внутри крепости, на площади около 3 тыс. м², исследовано девять жилых комплексов, включавших каменные наземные постройки прямоугольного плана ($13\text{--}15 \times 5\text{--}7$ м). По всей видимости, крыши жилищ были плоскими бревенчатыми. Некоторые из построек были более простыми и сооружались только из жердей и тростника. Предполагается, что это была своеобразная «столица» оседлых и полуседлых племен ливенцовско-каменской культуры, входящей в катакомбную КИО. Город был основан на перекрестке торговых путей и был очень привлекателен для разных мастей мародеров. В итоге крепость была разрушена выходцами из предгорий Северного Кавказа, возможно, вступившими в сговор с кочевыми синташтинскими группами [Братченко, 2012; Ильюков, Кияшко,

2011; Ильюков, 2012]. Однако, когда это произошло – во время миграции предков синташтинских племен на восток (рубеж XXI/XX в. до н.э.) или после распада синташтинской культуры, во время исхода некоторых из них в XVII–XVI вв. до н.э. из Южного Урала на запад, в бассейны Волги и Дона [Зданович Г., Зданович Д., 2005, с. 114], пока неясно.

Третий поток образован предками синташтинской (синташтинско-аркаимской) культуры. Эти переселенцы, по всей видимости, вышли из областей, смежных Балканами и Западным Причерноморьем, во второй половине XXI в. до н.э. Довольно организованно и быстро, под предводительством своих родоплеменных и военных вождей, они прошли по степям Северного Причерноморья, к югу от маршрутов ранее начавшейся абашевской миграции, возможно, по известным древним путям переселения ямных и катакомбных племен. Мигранты пересекли Волгу в ее низовьях и устремились на восток – в междуречье Урала и Тобола. Относительно быстрой миграции предков синташтинских племен способствовало использование ими колесного транспорта. В качестве такового, скорее в сего, выступали изобретенные еще скотоводами ямной и катакомбной КИО, передвигавшиеся с помощью быков крытые повозки с четырьмя массивными колесами, сбитыми из досок. В свою очередь, синташтинские мастера считаются изобретателями легких мобильных повозок, снабженных четырьмя колесами со спицами. В повозки впрягали коней. В XX–XVIII вв. до н.э. эти статусные боевые средства передвижения стали неизменным атрибутом сформировавшегося на Южном Урале воинского сословия, точнее его вождеской элиты. Об этом недвусмысленно свидетельствуют богатые синташтинские захоронения с остатками таких колесниц и костяков лошадей. Позднее, благодаря расселениям ранних индоевропейцев на обширных пространствах южной половины Евразии – от Западной Европы до Индии и Китая – они трансформировались в колесницы-двуколки с одной и затем двумя осями, также передвигавшиеся с помощью скаковых животных. Как известно, носителями синташтинской культуры, являлись древние ираноязычные племена – предки индоевропейского населения, впоследствии заселившие юг Средней Азии, Афганистан, Иран и северо-запад Индии [Кузьмина, 1994; Зданович Г., 1995; Зданович Г., Зданович Д., 2005; Зданович

Г., Батанина, 2007; Чечушков, Епимахов, 2010; Чечушков, 2011; и др.].

Достигнув степей Урала, синташтинские общины повернули на север и постепенно заняли практически все южное междуречье Урала и Тобола. Местное охотничье-рыболовецкое население степей было малочисленно и не могло создать серьезной конкуренции мигрантам, равно как остатки коллективов ямной и катакомбной КИО. Отдельные синташтинские общины разделили и закрепили за собой участки урало-тобольской степи, перестроив свой кочевой образ жизни на прочный оседлый с сезонными откочевками в теплое время года в пределах освоенных общинных территорий. Напомним, что концепцию миграции предков синташтинских племен на восток и перенесения ими на Южный Урал культурных достижений скотоводческо-земледельческих обществ Юго-Восточной Европы последовательно отстаивает С.А. Григорьев [1999; 2015].

Опорными пунктами синташтинских племен стали большие круглоплановые – овалы и округлые – полифункциональные поселения с радиально-кольцевой расстановкой подтрапециевидных построек и свободным пространством-«площадью» в центре (рис. 7, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 15, 16, 18, 19, 20, 23, 24). Идеи и принципы возведения таких укреплений, скорее всего, были скопированы с каменных круглоплановых крепостей Балкан. Последние были построены по еще более древней «анатолийской поселенческой схеме» [Мерперт, 1972; 1995]. Вместе с тем, южноуральские «крепости» были исполнены в местных материалах (бревна, жерди, ветки, тростник, земляные блоки, дерн, суглинки). Синташтинскую архитектуру определяют как грунтовую или каркасно-грунтовую. В этом случае двойной каркас «фортификаций» и жилищ был выполнен из дерева, а затем заполнен землей и суглинком. Объекты укрепленного поселения Устье I, возможно, были срубными. Камень использовался редко и только для облицовки земляных стен-валов (Аландское, Каменный Амбар) [Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, с. 23; Зданович Г., 1995, с. 22; Зданович Г., 2019, с. 8; История Южного Урала..., 2019, с. 282].

На относительно небольшом пространстве южноуральских степей (350 × 150–200 км) открыто 24 синташтинских и синташтинско-петровских укреплений (рис. 7, 1–24), а также

несколько селищ. «Фортифицированные» поселенческие объекты функционировали круглогодично и являлись подлинными крепостями, а не их подобиями или простыми неукрепленными стационарными убежищами для людей и части домашнего скота в зимнее время. Эти долговременные центры размещались на невысоких берегах рек, на расстоянии от 8 до 30 км друг от друга, за исключением двух поздних прямоугольных поселений (Степное, Черноречье III), удаленных от ближайших подобных на 70–90 км к северу (рис. 7, 1, 2). Равнинный характер местности обусловил строительство поселков с достаточно мощными оборонительными системами, исходя из принципа обратной зависимости естественной и искусственной укрепленности первобытных поселений. Согласно ей, чем слабее был защищен природой участок, на котором находилось «городище», тем более сложной и мощной должна была быть система его искусственной обороны, и наоборот. При этом обитатели синташтинских и синташтинско-петровских центров защищались не столько от аборигенов и инородцев из лесостепи, включая носителей абашевской культуры, сколько от соседних родственных общин.

Тем не менее, некоторые исследователи утверждают, что главной причиной движения предков синташтинского этноса на восток стало стремление к рудным источникам [Виноградов, 2017, с. 44–47]. В свою очередь, наличие укреплений на Южном Урале сыграло ключевую роль в формировании пресловутой «Страны городов» [Макурова, Петров, 2017, с. 5]. На мой взгляд, это маловероятно. Роль и масштабы бронзолитейного производства в этом регионе не следует переоценивать. По сравнению с металлопроизводством западноевропейских культур, объем синташтинских изделий из меди и бронз выглядит весьма скромно [Григорьев, 2019, с. 103]. Ни одно степное укрепление не производит впечатление специализированного металлургического центра с исключительно производственными постройками. Кроме того, наличие на них остатков металлургического производства отнюдь не является проявлением «урбанизированного характера» данных полифункциональных центров, в том числе в синташтинской культуре, якобы достигшей «уровня цивилизаций протогородского типа», как полагали Г.Б. Зданович и его последователи [Зданович Г., 1995, с. 31; Усманов и др., 2013, с. 43].

Синташтинское и сменившее его на Южном Урале синташтинско-петровское население разрабатывало только небольшие месторождения меди в степях между Тоболом и Уралом. Оно не освоило не только южных Каргалинских рудников, эксплуатировавшиеся еще ямными племенами, но не смогло проникнуть в горно-лесную зону Урала, в которой находились многочисленные и богатые месторождения меди. Сюда им путь, вероятно, перекрыли абашевские племена, а также пришедшие с востока группы мобильных «коневодов-металлургов», носителей технологии производства высококачественных сейминско-турбинских бронз.

Встречное движение последних, в отличие от миграции степных скотоводов на восток, проходило по северной лесостепи и южной тайге – от Алтая, Барабы и Среднего Прииртышья в направлении Уральских гор, Прикамья и Верхней Волги с ответвлениями на Конду и в некоторые другие районы таежного Приобья. Открыв в Среднем Зауралье богатые месторождения меди, мигранты вступили в тесные взаимовыгодные связи с энеолитическим населением края, в процессе которого в XX–XVIII вв. до н.э. сформировался гетерогенный коптяковский этнос. Самым известным его памятником является культово-погребальный комплекс Шайтанское озеро II, открытый между Екатеринбургом и Нижним Тагилом [Корочкова, Стефанов, Спиридонов, 2020].

Главной сферой хозяйственной деятельности степных племен Южного Урала являлось скотоводство – разведение крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей. Вспомогательными отраслями были металлургия, металлообработка и «домашние» производства [Зданович Г., Зданович Д., 2005; Зданович Г., Батанина, 2007; и др.]. Земледелие маловероятно или крайне ограничено. Можно допустить, что синташтинское население совмещало выпас скота с работой на рудниках, а тягловый скот использовало для транспортировки руды в соседние укрепленные поселки [Григорьев, 2008, с. 177].

Очередное постепенное потепление климата предопределило перестройку синташтинского хозяйства в сторону перехода к более подвижным формам скотоводства с увеличением доли лошади в стадах. Это же обусловило смену в XIX–XVIII вв до н.э. синташтинского населения скотоводческим петровским

(раннеалакульским?). Петровская культура, по мнению ее первооткрывателя Г.Б. Здановича, «сформировалась, вероятно, на базе местных степных общин ботайско-суртандинского круга, включив в себя значительный пласт населения лесостепной полосы Западной Сибири. Сложение петровской культуры протекало при тесном взаимодействии со степными культурами Европейской части СССР и контактах с земледельцами Средней Азии» [Зданович, 1988, с. 152]. Представители петровского культурного объединения являлись изобретателями или только трансляторами новой прямоугольной планировки поселений с уличной расстановкой прямоугольных каркасно-столбовых и бревенчатых домов.

В бассейне Ишима открыты и исследованы три ранних петровских укрепленных поселения – Петровка II, Новоникольское I и Боголюбово I (рис. 7, 25–27). Они расположены на оконечностях низких мысов первых надпойменных террас. Городищенские площадки застроены очень плотно прямоугольного плана производственно-жилимыми постройками. Два первых укрепления со всех или только с напольных сторон ограничены прямоугольными фортификациями, состоявшими из рвов и, возможно, внутренних валов. У третьего памятника зафиксирован только небольшой (50 м) отрезок прямого или дуговидного рва с напольной стороны мыса. На поселении Петровка II внутренний ров делил поселение на две неравные прямоугольные части [Зданович, 1988, с. 22–53, 123]. Так называемые «валы», на мой взгляд, представляли собой остатки деревоземляных стен, подобных тем, что были зафиксированы на укрепленном синташтинско-петровском поселении Устье I [Древнее Устье..., 2013]. В условиях равнинного рельефа защитные линии петровских «городищ», точнее их оборонительные стены, должны были быть замкнутыми.

Петровское (раннеалакульское) население освоило не только южноуральские степи, но и устремилось на север – в западносибирскую лесостепь, навстречу мобильным группам коневодов, носителям сейминско-турбинских комплексов. Бесспорные следы проникновения петровских групп далеко на восток и факты контактов мигрантов с кротовским «этносом» в

Среднем Прииртышье и Барабе зафиксированы новосибирскими археологами [Молодин, 2010; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016]. Петровскими поселенческими памятниками на новых территориях являются городища Камышное II (ранний культурный горизонт) в Курганском Притоболье (рис. 3, 39; 11, Б) и селище в низовьях Ишима, на месте которого позднее возникло укрепленное поселение Абатское VI сузгунской культуры. Примечательно, что новые поселенцы не использовали в полной мере защитные свойства местности. Оба поселения были основаны на мысах, но не были ограждены обычными дуговидными бревенчатыми стенами с внешними рвами. В первом случае на мысу была построена типичная прямоугольная крепость [Потемкина, 1976; 1985], во втором – неукрепленный поселок с предполагаемой «уличной» планировкой [Ткачев А., 2002; Ткачев А., Зимина, Ткачев Ал., 2017].

Новый сухой и жаркий климатический цикл привел к коренной трансформации синташтинско-петровского общества в алакульское с присущими ему более подвижными формами скотоводческого хозяйства. Согласно результатам радиоуглеродных тестов, время функционирования синташтинских поселений и некрополей соответствует 2010–1770, петровских – 1880–1740, алакульских – 1900–1450 гг. до н.э. [Молодин и др., 2014]. Могильники алакульской культуры, по сравнению с синташтинскими и синташтинско-петровскими, становятся более бедными. Социальная стратификация в алакульском погребальном обряде и сопроводительном инвентаре не так заметна. Исчезают признаки «колесничного комплекса». Все это указывает на явный финал начавшегося в синташтинский период движения степного «арийского» общества в направлении четко стратифицированного классового. И главное для нас: с XVII в. до н.э. в волго-урало-казахстанской степи исчезают укрепленные поселения. На руинах степных фортификаций возникают селища андроновских, а затем – межовских племен.

Исключение – многослойная мысовая крепость Барашки I, исследованная в Восточном Казахстане в верховьях р. Иртыш. Ранний укрепленный поселок второго периода занимал всю территорию жилой площадки. По краям мыса располагались крупные каркасные жилые постройки и каменная стена из уложенных плашмя гранитных и сланцевых плиток. С северной

напольной стороны поселок был защищен валом и рвом, засыпанным в конце периода. Второй строительный горизонт связан с небольшими каркасными постройками, в планиграфии которых наблюдается круговое расположение. При этом могла сохраняться и ограничительная стенка вдоль края оврага. В жилищах и во рву найдены изделия из бронзы и керамики трушниковской культуры. В системе традиционных дат фортификации относятся к XIII–XI вв. до н.э. [Ткачева, Ткачев А., 1999; Ткачев А., Ткачева, 2008], то есть к четвертому этапу распространения укреплений в Старом Свете.

В конце III – первой половине II тыс. до н.э. зона конфликтов пришельцев и аборигенов края смещается на север – в лесостепь и южнотаежную зону Западной Сибири.

Укрепленные поселения начала эпохи бронзы Западной Сибири. Появление укрепленных поселений в начале местной эпохи бронзы в Урало-Поволжской и Северо-Казахстанской степи (по общеевразийской периодизации бронзового века, предложенной Е.Н. Черных: на рубеже среднего и позднего периодов эпохи бронзы) является третьим этапом распространения таких объектов в Старом Свете, а также синхронизируется со вторым этапом их зарождения и функционирования в Западной Сибири. Подобных лесных поселений на севере Евразийского континента – от Скандинавии до Дальнего Востока – до начала эпохи железа либо Средневековья не известно или вообще не было. Главные причины этого: исключительное богатство биоресурсов края, по сравнению с соседними лесными территориями, а также наличие на западносибирском Севере единой системы рек (бассейн Оби), являвшихся водными путями, связывавшими Центральную Азию с таежным поясом, тундрой и Северным Ледовитым океаном.

В эпоху бронзы на Севере Евразии помимо урало-казахстанских степей (ареал V) (рис. 7) выделяется четыре практически полностью независимых ареала развития укреплений и их прототипов: север и юг Западной Сибири (I и II), пограничье Западной и Восточной Сибири (III), Приуралье и Верхнее Поволжье (IV) (рис. 6).

Ареал I. Распространение укрепленных поселений в средней и северной тайге Приобья, а также в верховьях Пура, происходило на фоне очередного ксеротерма, предопределившего очень комфортную климатическую обстановку, сдвиг северных границ

тайги вплоть до середины Ямала, понижение уровня вод в реках и озерах, по сравнению с неолитом и энеолитом, а также начавшееся заболачивание обширных пространств Западной Сибири. Освоение региона новым населением, пришедшим с юга Сибири, обусловило первый большой передел между общинами пришельцев, аборигенов и новым гетерогенным населением края наиболее богатых охотничье-рыболовческих угодий. В этот период, судя по увеличению поселений, расположенных как вдоль главной речной артерии – Оби, так и в глубинах тайги – на многочисленных мелких и больших притоках, плотность населения на севере Сибири резко увеличивается. Это, а также «столбление» пришельцами освоенных западносибирских территорий, привело к резко возросшему уровню военной опасности, и как следствие – к очередному и более массовому строительству укрепленных поселений.

Создателями последних являлись охотники-рыболовы, не практиковавшие производящих отраслей хозяйства. Новые укрепления эпохи бронзы, как и более ранние, являлись социальными, хозяйственно-производственными и духовными центрами общин. По всей видимости, в них проживала элита общества, тогда как основная часть рядовых общинников селилась в неукрепленных селищах и стоянках, особенно в летнее время.

Кроме того, наблюдается продвижение в тайгу отдельных мобильных групп с востока – коневодов, носителей секретов производства орудий и оружия сейминско-турбинского типа [Черных, Кузьминых, 1989; 2000; Корочкова, Стефанов, 2011]. Пришлое, аборигенное и смешанное население центральных, западных и северных районов западносибирской тайги, входившее в родственные культурные объединения с керамикой полымьятского, кульёганского, балинского и других типов, восприняло от мигрантов навыки отливки небольшого количества изделий из привозного цветного металла (концепция В.И. Стефанова, О.Н. Корочковой, В.А. Борзунова). Можно предположить, что использование таежными общинами, наряду с каменными орудиями, металлических форм (кельты, тесла, долота, ножи), способствовало усовершенствованию приемов обработки дерева, применявшихся в домостроительстве и оборонном зодчестве. Между тем заимствования таежным населением элементов архитектуры южных городищ не прослеживается.

В начале и середине эпохи бронзы (по С¹⁴: конец III – первая половина II тыс. до н.э.) городища в таежном Приобье исчезают и встречается только один тип укрепленных центров: большое (130–580 м²) дерево-земляное укрепленное жилище, окруженное рвом и, возможно, дополнительной бревенчатой стеной. Это были своеобразные малые лесные «крепости» (рис. 6, 1–26, 46, 47; 8). Конструкции самих построек разнообразны, но, как правило, в плане прямоугольные и квадратные, с прямыми и скругленными углами, двух основных типов. Первый: каркасно-столбовые «монументальные» объекты с наземной частью в виде усеченной пирамиды и наклонными стенами, опирающимися нижней частью в грунт за пределами котлована, а верхней – на раму из жердей, установленную на вертикальных столбах. Второй тип: бревенчатые дома с вертикальными стенами. Основание стен в обоих случаях было окружено песчаной «завалинкой». Котлованы у жилищ прямоугольные, занимали основную часть помещения. В них располагались очаги и хозяйственные ямы. По краям жилых камер находились покрытые жердями песчаные нары. Крыши, вероятно, были низкие двускатные или четырехскатные [Борзунов, 1999; 2015; Косинская, 2000; Борзунов и др., 2010; Борзунов, Стефанов, Глушков, 2011; 2018, с. 359–360, 368–369, рис. 6; 7].

Ареал 2. В эпоху бронзы на северной границе степных пространств формируется особая природная, а затем – культурно-хозяйственная зона – *лесостепь*, протянувшаяся от подножий Карпат до правобережья Енисея. С этого времени она стала местом концентрации пришлых скотоводческих, а затем – «окультуренных» аборигенных и гетерогенных обществ с комплексным хозяйством, основным регионом для трансляции достижений производящей экономики Юга и Запада Евразии на север континента. В кризисные периоды эпохи бронзы, а также в раннем железном веке и Средневековье, она периодически становилась своего рода «спасательным поясом» для степных и лесных обществ. В периоды сильных увлажнений и похолоданий (плювиалы рубежа эпохи бронзы и начала железного века, начала Средневековья и т.д.) сюда устремлялись коллективы охотников-рыболовов-собирателей таежного Приобья (племена с фигурно-прокатанной и крестовой керамикой; группы позднекулайского ярсалинского и раннесредневекового карымского населения). Во времена сильных

засух она принимала племена и группы скотоводов, не сумевших перестроить экономику на рельсы кочевого хозяйства (ранний железный век).

В северной лесостепи и на южной кромке лесов Курганского и Тюменского Притоболья, к северу от петровско-раннеалакульского городища Камышное II (рис. 3, 39; 11, Б), между устьями Исети и Тавды, на площади около 185×100 км, сформировалась группа прототипов укрепленных поселений. Создателями их были общины ташковской культуры, датирующейся по результатам радиоуглеродных тестов около 2050 ± 200 лет до н.э. [Ковалева, 2005, с. 105–106, табл. 1, рис. 1] Всего здесь открыто 6 таких стационарных поселков, расположенных на низких речных и озерных террасах (рис. 3, 33–38; 10, Б).

Авторы их раскопок утверждают, что носители ташковской культуры тесно взаимодействовали с горно-лесными, лесостепными и степными обществами Южного Урала, от которых получали высококачественный камень (яшмы, кремль) и цветной металл для изготовления орудий труда, включая каменные скребки для обработки шкур животных, а также металлические топоры и пилы. От степных племен «ташковцы» заимствовали круглоплановую систему своих поселений, которые являлись у них культовыми центрами, а также приемы содержания и разведения крупного рогатого скота. Раскопано около 50-ти жилищ, представленных срубными постройками, размещавшимися в пределах квадратных котлованов площадью 40–55 м². Крыши домов островерхие или односкатные, крытые камышом и соломой. Ташковские «сакральные» поселки были сооружены якобы по образцу ведийской «мандалы», «модели Вселенной», а потом организованно оставлены и намеренно сожжены своими обитателями «священным огнем» [Ковалева, 1988; 1993, с. 15–21; 1997; 2005; Ковалева, Штадлер, 1989; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 85–94].

Между тем, по заключению палеонтолога П.А. Косинцева, проанализировавшего небогатый ташковской костный материал, население этой культуры – обычные охотники-рыболовы, основным объектом промысла которых был лось. Только у южных ташковских групп могло быть небольшое количество домашнего скота, в то время как лошадь представлена только дикой формой [Косинцев,

1999]. Могильников и погребений, как у степных племен, у носителей ташковской культуры не было. Металлообработка находилась на низком уровне. «Приплавы» олова, по данным С.В. Кузьминых, обнаружены только в 0,5–1% металлических изделий. Судя по керамике, украшенной ямками (типичная таежная черта), отступающе-накольчатými, гребенчатými, шагающе-проташенными и прочерченными узорами, ташковский «этнос», скорее всего, входил в общность лесостепных культур юга Западной Сибири, представленных вишневыми и кротовско-елунинскими комплексами. В архитектуре ташковских поселков, которые являлись типичными стационарными полифункциональными центрами общин, явно прослеживается смешение черт южного и лесного домостроительства: плотная замкнутая овально-кольцевая расстановка жилищ со свободным пространством в центре. Аналоги: синташтинские укрепления Южного Урала и «подкрепленные поселки» Волго-Камья. Сами ташковские жилища, по всей видимости, представляли собой вариант каркасно-столбовых полуземлянок с наклонными бревенчатыми стенами, двух- или четырехскатными крышами из жердей, покрытых дерном. Внутри помещений размещались неглубокие котлованы, а по их периметру – дерево-земляные нары [Борзунов, 2018, с. 362].

Вторая группа укрепленных поселений зафиксирована в Среднем Прииртышье и Барабе. Здесь они появились в начале эпохи бронзы как результат продвижения в лесостепь скотоводческих обществ и населения с комплексным типом хозяйства. Среди данных поселенческих объектов не было выявлено укрепленных жилищ «северного типа». Однако как не прослеживалось воздействия таежного «оборонного зодчества» на архитектуру укрепленных поселений, представленных исключительно разными вариантами береговых городищ. В свою очередь, привязка стационарных поселков к низким коренным террасам левобережья Иртыша была обусловлена хозяйственной специализацией пришлых и гетерогенных племен, ориентировавшихся главным образом на оседлое скотоводство с придомным содержанием животных и высокоразвитую цветную металлообработку с отливкой изделий сейминско-турбинского типа. Охота на пушных и мясных животных, а также пернатую дичь, была важна, но имела второстепенное значение в системе жизнеобеспечения кротовских

общин. Появление здесь первых укреплений трапецевидного и прямоугольного плана было связано, скорее всего, с прямым заимствованием местными обществами фортификационного зодчества петровских племен и их прямых наследников – андроновских (алакульских) групп, проникших на эту территорию.

Самыми ранними береговыми городищами являются объекты XX–XVII вв. до н.э. (в системе радиоуглеродных дат) лесостепной кротовской культуры (Черноозерье VI, Инберень X, Венгерovo 2) и, по-видимому, южнотаежной степановской (Хутор Бор I, горизонт ранней бронзы) (рис. 6, 41; 43; 44; 53; 12; 13). В XIV–XIII вв. до н.э. (по традиционной хронологии), а в действительности – раньше, во второй четверти II тыс. до н.э., их сменили укрепления андроновского периода: Сибирская Саргатка (Сибсаргатка) IV и Черноозерское I (рис. 6, 40; 42; 14). Все эти памятники имеют отличия в планировке и архитектуре, в том числе жилой и оборонной. Рвы у городищ – широкие глубокие ступенчатые либо относительно мелкие и узкие, трапецевидного сечения, выкопаны с напольных сторон. Оборонительные стены, вероятнее всего, бревенчатые, типа заплотов и иных конструкций, опиравшиеся на вертикально вкопанные столбы. В основании с обеих сторон они были укреплены «валиками» – подсыпкой из грунта. Предполагается, что канава, окружавшая большое двухкамерное жилище на городище Инберенское X, осталась от частокола. Безусловно, защитные стены были замкнутыми, так как при отсутствии заграждений со стороны невысокого берега поселок был уязвим, а одни напольные фортификации бессмысленны. Среди перечисленных памятников зафиксированы: одно оригинальное однодворное укрепление (Инберень X); поселение с легкими каркасными постройками, расположенными по периметру городищенской площадки, и с относительно свободным пространством в центре (Черноозерье VI); укрепление с установленными вплотную друг к другу в ряд большими подпрямоугольными наземными домами, занимавшими все его внутреннее пространство (Черноозерье I); поселок с трехрядной расстановкой жилищ (Венгерovo 2). С напольных сторон некоторых укреплений выявлены более ранние (Черноозерье VI) или синхронные селища (Инберень X, Черноозерье I, Венгерovo 2). Двухчастные поселки могут рассматриваться как «цитадели» с

неукрепленными «посадами». Первые были малы и могли вместить только элитную часть общины. К элементам степной архитектуры относятся колодцы (Инберень X), а также построенные из глины и кирпичиков полифункциональные куполовидные печи и подпрямоугольного плана медеплавильные горны (Черноозерье I, Венгерovo 2) [Кондратьев, 1974; Викторov, Борзунов, 1974; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 21; Стефанова, 1985; 1988; Генинг, Стефанов, 1993; Стефанов, Стефанова, 2001; Молодин и др., 2011; 2012; 2013; Борзунов, 2020б, с. 362–397; Бенеке и др., 2021].

Ареал 3. На границе Западной и Восточной Сибири, в верховьях Оби и Енисея, на горных вершинах Минусинской котловины возводились полифункциональные (социальные, культурно-хозяйственные и культовые) укрепленные центры, представленные так называемыми *све* (рис. 6, 48–52). Их стены и примыкавшие к ним постройки сооружались из необработанного плитчатого камня при минимальном использовании дерева. Творцами данных оригинальных объектов были оседлые скотоводы окуневской культуры [Готлиб, Подольский, 2008]. Предки последних пришли сюда, по-видимому, с запада и юго-запада – из областей, граничащих с «цивилизациями» Передней Азии, Юго-Западной Европы и юга Центральной Азии, население которых было хорошо знакомо с каменной архитектурой.

Остатки самой восточной равнинной крепости эпохи бронзы открыты в Улуг-Хемском районе Республики Тыва, близ р. Чаа-Холь (левый приток Енисея), под руинами каменно-глинобитных фортификаций средневекового городища Бажын-Алаак (рис. 6, 52). Поселение, ориентировочно отнесенное ко II тыс. до н.э., было окружено земляным валом с деревянным тыном и рвом шириной 3 м. Вероятно, с ним связаны находки каменных полированных топоров [Щетенко, 1983, с. 45–47].

Краткий итог. В неолите и энеолите (по C¹⁴: VII/VI–III тыс. до н.э.) укрепленные поселения начали возводиться в таежном Приобье и Зауралье. На остальных просторах лесной полосы Евразийского континента – от Скандинавии до Дальнего Востока – они не известны. Причина такой «дифференциации» заключается в особенностях западносибирского региона, наиболее богатого естественными ресурсами (растительный и животный мир, рыба, птица, дикоросы), чем другие территории тайги, а также в наличии в

нем единой Обской речной системы, напрямую связывающей Центр Евразии с районами Крайнего Севера. Укрепленные поселения, причем разных типов (как результат творческого эксперимента), появились в таежном Приобье в среде рыболовов-охотников-собирателей, не знакомых с производящим хозяйством и, скорее всего, независимо от влияния земледельческо-скотоводческих «цивилизаций» Старого Света. То же самое происходило здесь в первой половине местной эпохи бронзы.

На ближайших к югу от Урала и Западной Сибири территориях – в евразийских степях и формирующейся лесостепной зоне – укрепленные центры появились только в эпоху бронзы, между XXI и XVIII вв. до н.э., в результате массовых миграций скотоводов Западной и Юго-Западной Европы на восток. Последние «принесли» в урало-казахстанские степи идею сооружения укрепленных поселений, а также некоторые элементы европейского оборонного зодчества. «Волны» распространения укрепленных поселенческих и культовых центров в Старом Свете были обусловлены расширением зоны производящей экономики, а главное – «глобальными» циклическими изменениями климата. Именно они являлись главной причиной миграций древних земледельцев-скотоводов из Ближнего Востока на окружающие и более удаленные территории Евразии и Северо-Востока Африки в эпохи камня и бронзы. Они же способствовали развитию системы разнообразных этнокультурных, социально-экономических и других контактов древних обществ, а главное – передаче культурных достижений Юга Евразии на северные территории.

Расширение зоны обитания скотоводческих племен, а также их продвижение на север в эпоху бронзы, в результате «глобального» изменения климата, привело к формированию на границе степной и лесной зон, в том числе в Приуралье, Зауралье и Западной Сибири, целой системы гетерогенных культур с комплексным производящим и присваивающим хозяйством. Пришельцы и «окультуренное» население края ориентировалось на «стандарты» сооружения степных укреплений, трансформируя и приспособливая их к новой окружающей обстановке. Так в западносибирской лесостепи появились первые мысовые и береговые «городища» с дерево-земляной архитектурой. В них не ощущается влияния северного «градостроительства», как не

прослеживается обратного воздействия «южных» традиций на возведение укреплений в таежном Приобье.

В последнем регионе в финале III – середине II тыс. до н.э. городища исчезают и продолжают возводиться только специфические укрепления, состоявшие из большого одиночного дома, оконтуренного рвом и иногда – простейшей бревенчатой стеной.

Вместе с тем, в энеолите и начале бронзового века у некоторых лесостепных и южных лесных обществ охотников-рыболовов Марийского Поволжья, Волго-Камья и Нижнего Приобья, контактировавших со скотоводческими племенами, формируются оригинальные прототипы укреплений, сочетавших элементы древней планировки лесных поселений и новой степной «круглоплановой» системы. Иными словами, это были поселки с полуземлянками и наземными домами со слабо углубленными полами, выстроенными тесно друг другу по кругу или овалу. В центре поселка оставлялось свободное пространство. В Приуралье такие жилища соединялись между собой крытыми коридорами.

Поселения с первобытными фортификациями отличались более сложной архитектурой, в отличие от синхронных селищ и стоянок. Они функционировали круглогодично и, по всей видимости, являлись центрами общинных территорий. Главной причиной их строительства является стремление их обитателей к закреплению за собой наиболее богатых биоресурсами территорий (пастбища, месторождения руд цветных металлов, охотничьи угодья, места ловли рыбы и т.д.), защита земель общины, а также всего добытого или произведенного продукта, от враждебного социального окружения – ближайших родственников и более удаленных инородных коллективов.

Примечание. Работа выполнена в рамках гос. заданий Минобрнауки РФ, темы № FEUZ-2020-0056, FEUZ-2023-0018.

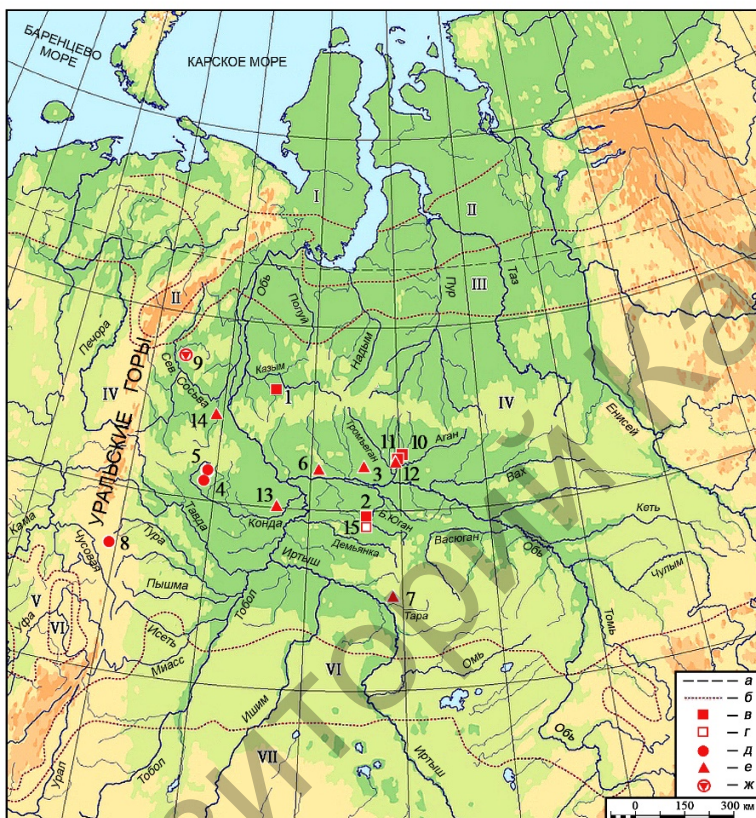

Рис. 1. Карта древнейших укрепленных поселений и их прототипов Западной Сибири. *Неолит*: 1 – Амня I; 2 – Каюково 2; 3 – Быстрый Кульёган 66; 4 – Большая Умытъя 9; 5 – Большая Умытъя 57; 6 – Микишкино 5; 7 – Усть-Тара XXVIII (объект 1); 8 – Полудёнка I; 9 – Чэс-Тый-Яг. *Конец неолита – энеолит*: 10 – Имньёган 2.1; 11 – Нёхурый 3.3. *Энеолит*: 12 – Нивагальское 20; 13 – Волвонча I (нижний горизонт); 14 – Тёплый Ручей; 15 – Каюково 1. Условные обозначения: а – Северный Полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственные леса; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – городище; г – предполагаемое городище; д – укрепленное поселение; е – укрепленное жилище; ж – «островное» поселение

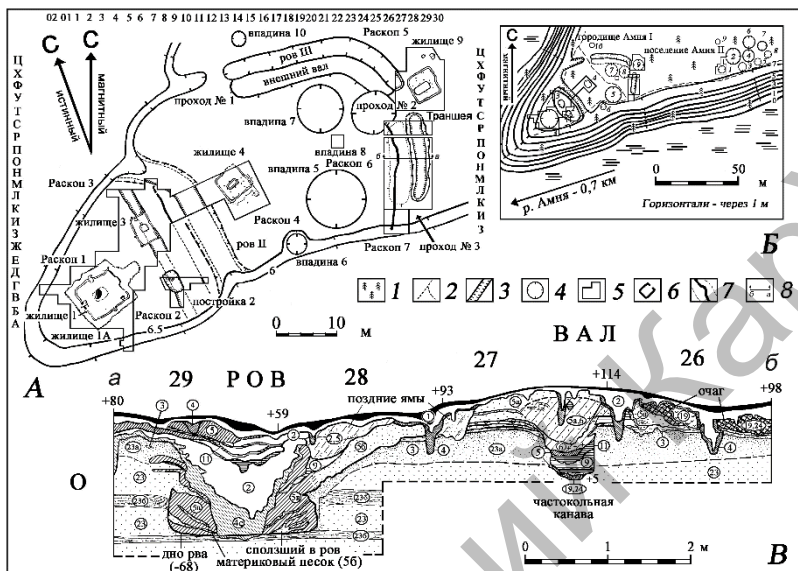

Рис. 2. Городище Амня I. Нижнее Приобье. Неолит – амнинский тип памятников. Раскопки В.М. Морозова 1987–1989 гг., В.И. Стефанова 1988, 1989, 1993, 2000 гг., В.А. Борзунова 1993, 2000 гг. *А* – план городища; *Б* – городище неолита Амня I, поселение энеолита Амня II. Условные обозначения: 1 – лес; 2 – тропа; 3 – ров; 4 – жилищная впадина; 5 – раскоп; 6 – котлован жилища; 7 – частокольная канавка; 8 – линия разреза. *В* – разрез внешней оборонительной системы городища Амня I (южная стенка уч. О/26–28): 1 – лесная подстилка; 2 – черный и пепельно-серый подзол; 3 – серый и темно-серый погребенный подзол (древняя почва); 4 – ржаво-коричневый ортзанд; 4е – коричневый ортзанд; 5а – светло-желтый переотложенный песок; 5б – желтый переотложенный песок; 5в – темно-желтый переотложенный песок; 6 – желто-серый углистый песок; 9 – серо-желтый углистый песок; 11 – темно-серый и черный углистый песок; 19 – розоватый охристый песок; 23 – белый материковый песок; 23б – яично-желтый слоистый материковый песок; 24 – оранжево-розовый прокаленный песок

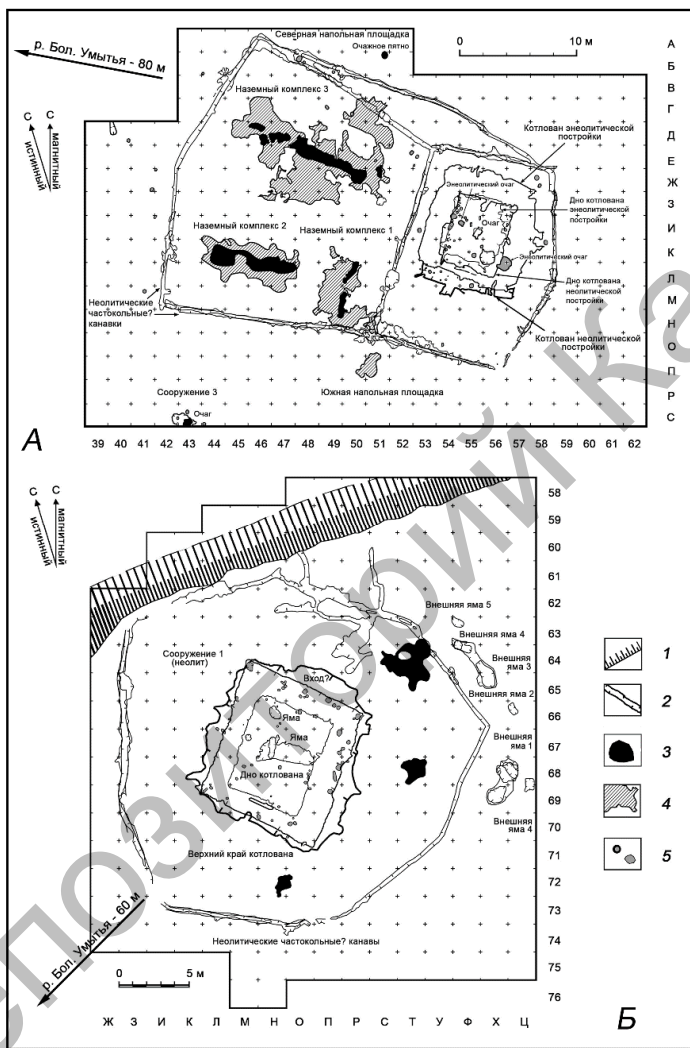

Рис. 3. Укрепленные поселения Большая Умыт'я 57 (А) и Большая Умыт'я 9 (Б). Бассейн Конды. Неолит (основной горизонт), энеолит. Раскопки и съемка А.А. Погодина, П.В. Миронова 2007–2008 гг. Условные обозначения: 1 – дорожный откос; 2 – канавка (частокольной?) ограды; 3 – буро-коричневый очажный слой; 4 – красно-коричневый охристый песок; 5 – ямки от столбов

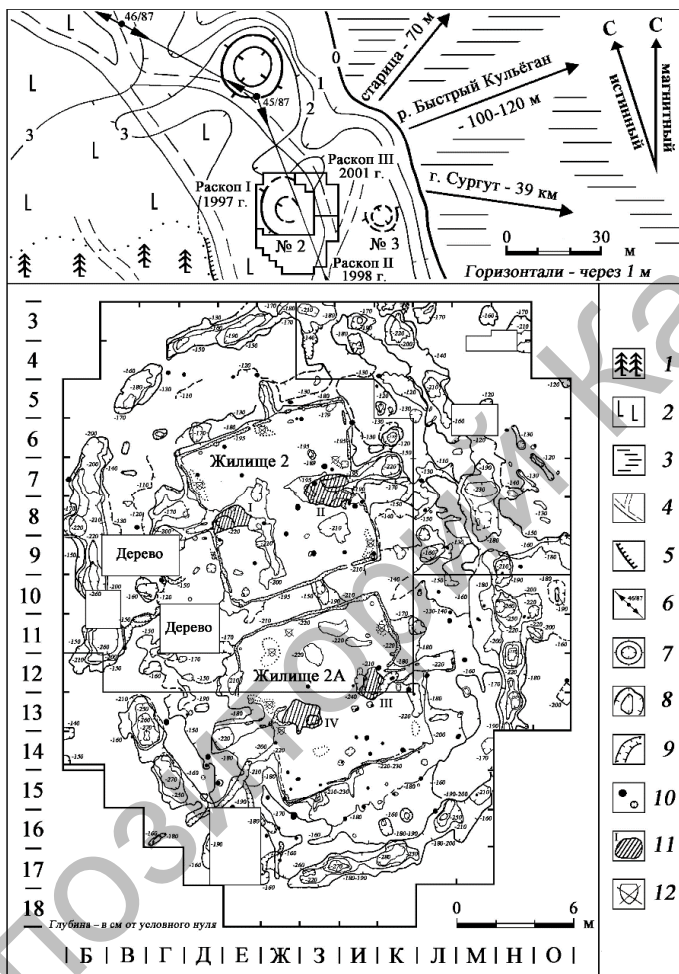

Рис. 4. Поселение Быстрый Кульёган бб – прообраз большого укрепленного жилища. Сургутское Приобье. Неолит – быстринский тип памятников. Разведка археологов УрГУ 1994 г.; раскопки Л. Л. Косинской 1997, 1998, 2001 гг.: А – общий план; Б – план раскопов I–III: жилища 2, 2а и дно рва. Условные обозначения: 1 – лес; 2 – вырубка; 3 – заболоченная пойма; 4 – грунтовые дороги; 5 – дорожный откос; 6 – линия электропередач; 7 – жилищная впадина с обвалкой; 8 – яма, углубление; 9 – ров; 10 – ямки от столбов; 11 – очаг; 12 – раздавленный сосуд.

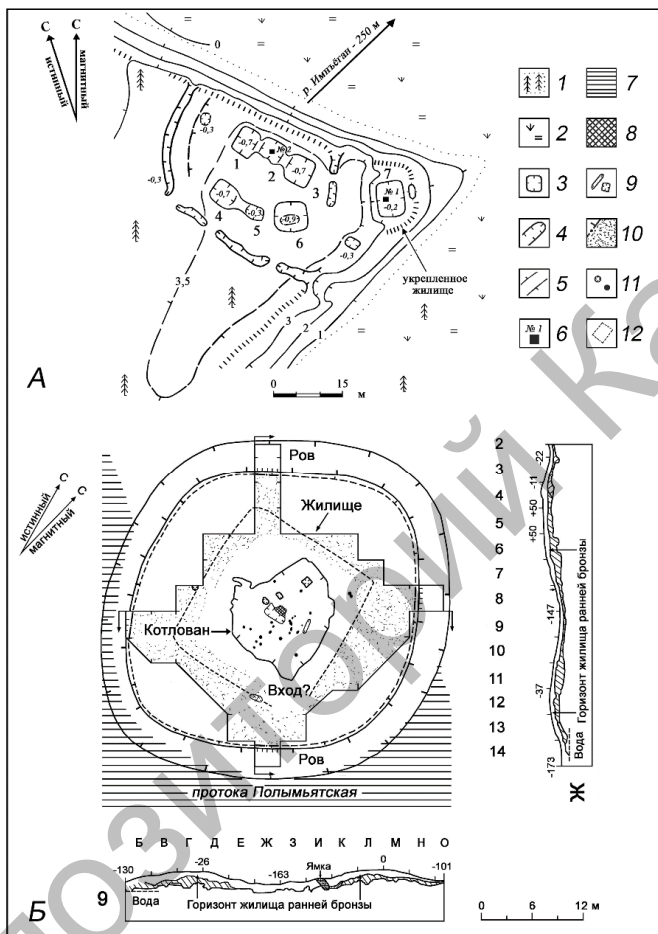

Рис. 5. Городище Имньёган 2.1 (А) и поселение (укрепленное жилище) Волвонча I (Б). А – Сургутское Приобье. Конец неолита – энеолит. Разведка и съемка А.Н. Бессмертных и К.Г. Карачарова 1995 г. Общий план. Б – бассейн Конды, протока Польшмьятская. Горизонт энеолита. Раскопки Н.К. Стефановой 1979 г. Условные обозначения: 1 – лес; 2 – болото, заболоченная пойма; 3 – жилищная впадина; 4 – ров; 5 – обваловка (вал); 6 – шурф; 7 – водоем; 8 – очажный слой; 9 – ямы, канавки; 10 – песчаная обваловка основания стен энеолитического жилища; 11 – столбовые ямки; 12 – предполагаемая граница стен жилища. *Примечание:* горизонталы на плане А – через 1 м

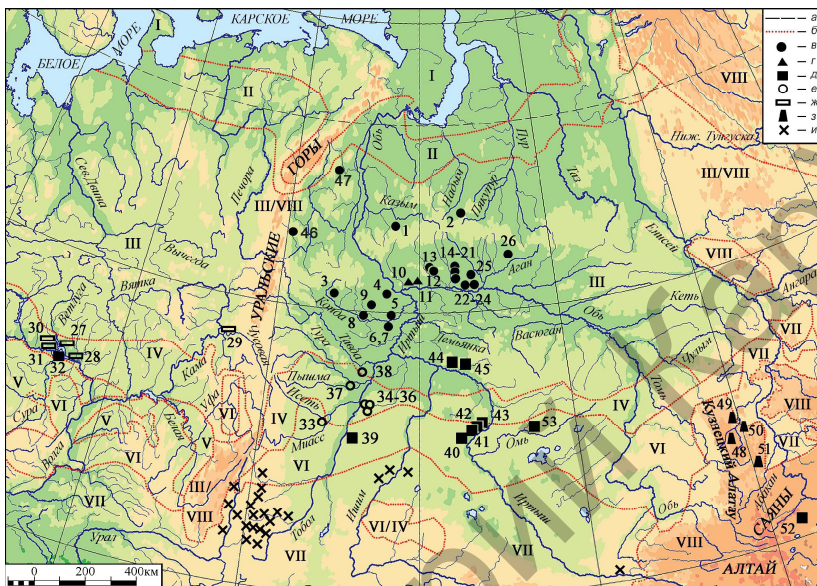

Рис. 6. Карта укрепленных поселений и их прототипов Западной Сибири, Волго-Камья и Обь-Енисейского междуречья первой половины эпохи бронзы. Памятники. *Ареал 1*: 1 – Товгор-лор VI (ранний горизонт); 2 – Щетнмато-лор (объект 1); 3 – Большая Умытъя 28 (объект 1 – первый период); 4 – Ендырское VIII (ранний горизонт); 5 – Волвонча I (верхний горизонт); 6 – Пашкин Бор I (нижний горизонт); 7 – Пашкин Бор I (верхний горизонт); 8 – Турсунт IV; 9 – Среднереченское (жилище № 1); 10 – Балинское 1; 11 – Балинское 53; 12 – Песиково 1; 13 – Песиково 19; 14 – Быстрый Кульёган 2; 15 – Быстрый Кульёган 38; 16 – Быстрый Кульёган 40; 17 – Быстрый Кульёган 44; 18 – Быстрый Кульёган 73; 19 – Быстрый Кульёган 77; 20 – Быстрый Кульёган 100; 21 – Быстрый Кульёган 105; 22, 23 – Барсова Гора II/37 (объекты 1, 2); 24 – Барсова Гора II/22; 25 – Моховая 8 (два жилища); 26 – Имньёган 2.2 (объект 8); 46 – Няйс-Манья I; 47 – Оволынгорт (Оволынгорт). *Ареал 4*: 27 – Ахмыловское II (энеолит); 28 – Уржумкинское (энеолит); 29 – Астраханцевское (энеолит – ранняя бронза); 30 – Майданское (энеолит); 31 – Галанкина Гора; 32 – Васильсурское II (ранний горизонт); *Ареал 2*: 33 – Ташково II; 34 – Заводоуковское VIII/1; 35 – Заводоуковское X (ранний горизонт); 36 – Заводоуковское XIII; 37 – ЮАО (Южный берег Андреевского озера) XIII; 38 – Иска III; 39 – Камышное II (ранний период-горизонт); 40 –

Сибирская Саргатка IV (ранний горизонт); 41 – Черноозерское VI; 42 – Черноозерское I; 43 – Инберенское (Инберень) X; 44 – Хутор Бор I (ранний ров); 45 – Ямсыса VII (ранний ров); 53 – Венгерovo 2. *Ареал 3*: 48 – Чебаки (ранний период); 49 – Чергатинская (ранний период); 50 – Кызыл хая (Красная скала) (ранний период); 51 – Устанах (единичные находки); 52 – Бажын-Алаакское (ранний горизонт). Условные обозначения: *a* – Северный Полярный круг; *b* – границы современных природных зон (I – тундра; II – лесотундра; III – тайга; IV – смешанные западносибирские мелколиственные и европейские широколиственно-таежные леса; V – широколиственные леса; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); *в* – укрепленное жилище; *г* – одиночное неукрепленное жилище; *д* – городище; *е* – поселение с «кольцевой» расстановкой жилищ вокруг относительно свободного центра; *ж* – поселение с линейной и кучно-линейной расстановкой жилищ, соединенных тамбурами-переходами; *з* – горное поселение («све» – «крепость») и культовый центр; *и* – укрепленные поселения скотоводов евразийских степей (без нумерации памятников).

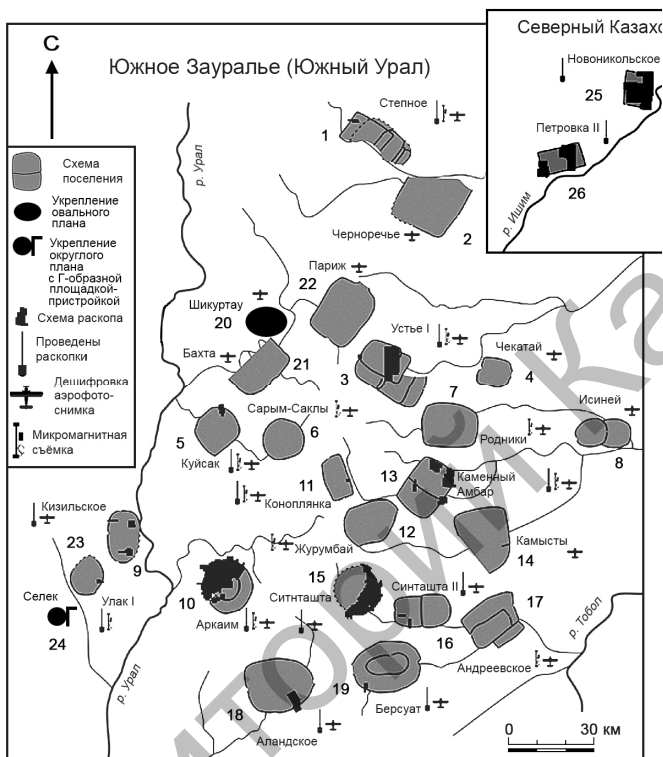

Рис. 7. Южный Урал (Южное Зауралье) и Северный Казахстан. Степь и южная лесостепь. Эпоха бронзы. Археологические и дистанционные исследования укрепленных синташтинских, синташтинско-петровских и петровских поселений. Памятники: 1 – Степное (средний и поздний горизонты); 2 – Черноречье III; 3 – Устье I (Устье-1); 4 – Чекатай (Чекотай); 5 – Куйсак; 6 – Сарым-Саклы (Сарым-Сакла, Зингейка); 7 – Родники; 8 – Исинея I и II; 9 – Кизильское (ранний горизонт); 10 – Аркаим (Утяганское); 11 – Коноплянка; 12 – Журумбай; 13 – Каменный Амбар (Ольгино); 14 – Камысты; 15 – Синташта; 16 – Левобережное (Синташта II, Селенташ); 17 – Андреевское (Андреевка, Кривой Дол); 18 – Аландское; 19 – Берсуат (Ягодный Дол); 20 – Шикургау; 21 – Бахта; 22 – Париж (Астафьевское); 23 – Улак I; 24 – Селек; 25 – Новоникольское I; 26 – Петровка II; 27 – Боголюбово [в основе по: Солдаткин, 2018, рис. 1; дополнения: Зданович Г., Зданович Г., 2005, рис. 1; Усманов и др., 2013]

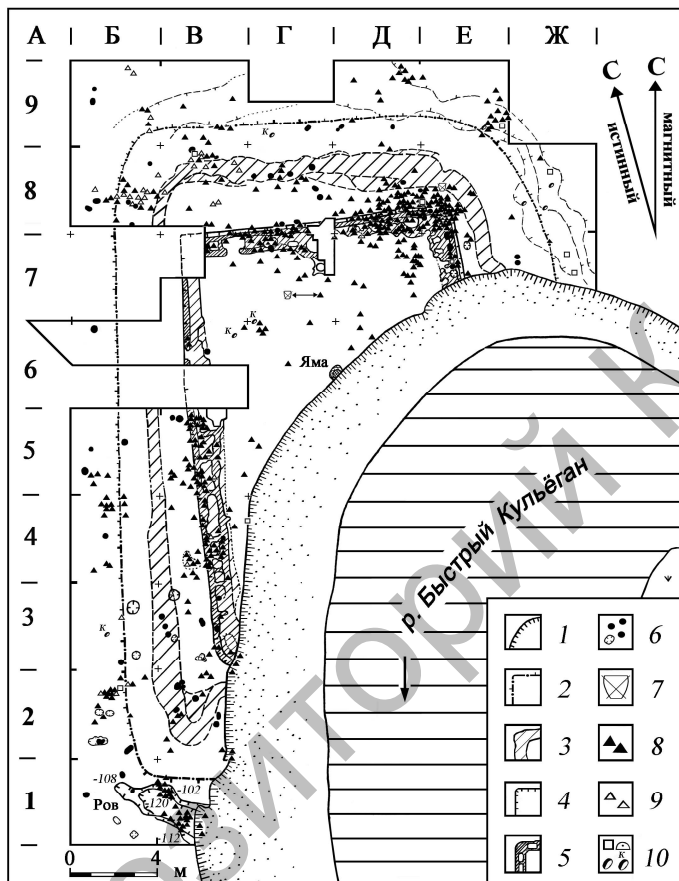

Рис. 8. Укрепленное жилище Быстрый Кульёган 38. Сургутское Приобье, правобережье Оби, р. Быстрый Кульёган – левый приток р. Минчимкиной. Первая половина эпохи бронзы – кульёганский тип. План раскопа 2000 г. Раскопки и съемка Борзунова. Условные обозначения: 1 – обрыв; 2 – внешняя граница «завалинки» – расплывшейся обваловки основания стен жилища; 3 – полоса углистой супеси (остатки основания стен постройки); 4 – котлован жилища; 5 – остатки сгоревших деревянных нар; 6 – ямы и столбовые ямки; 7 – раздавленный сосуд; 8 – орнаментированная керамика; 9 – черепки без орнамента; 10 – каменные предметы и отщепы

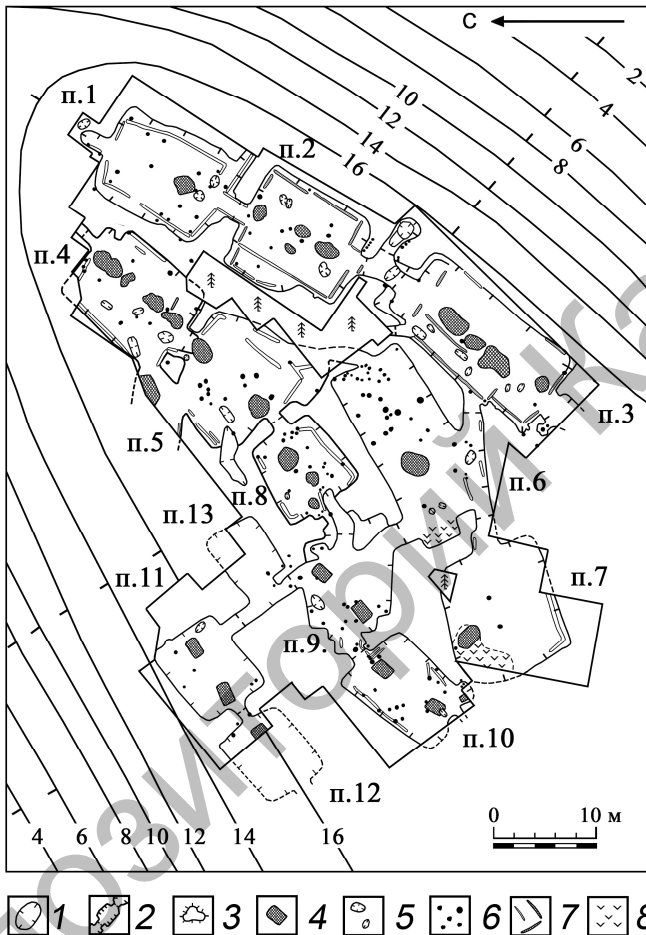

Рис. 9. Поселение Галанкина Гора. Марийское Поволжье, левый берег Волги, Чебоксарское водохранилище. Начало эпохи бронзы – выжумская и чирковская культуры. План памятника и раскопов. Разведка Г.Н. Айплатова 1958 г.; раскопки А.Х. Халикова 1959 г., Е.А. Халиковой 1966 г., Б.С. Соловьева 1982, 1983, 1989 гг. Условные обозначения: 1 – жилищная впадина; 2 – котлован жилища; 3 – материковый останец; 4 – углубленный очаг; 5 – яма; 6 – столбовые ямки; 7 – канавки, заполненные углистым суглинком, от основания бревенчатых стен построек; 8 – углистый слой. *Примечание:* горизонтали на плане – через 2 м

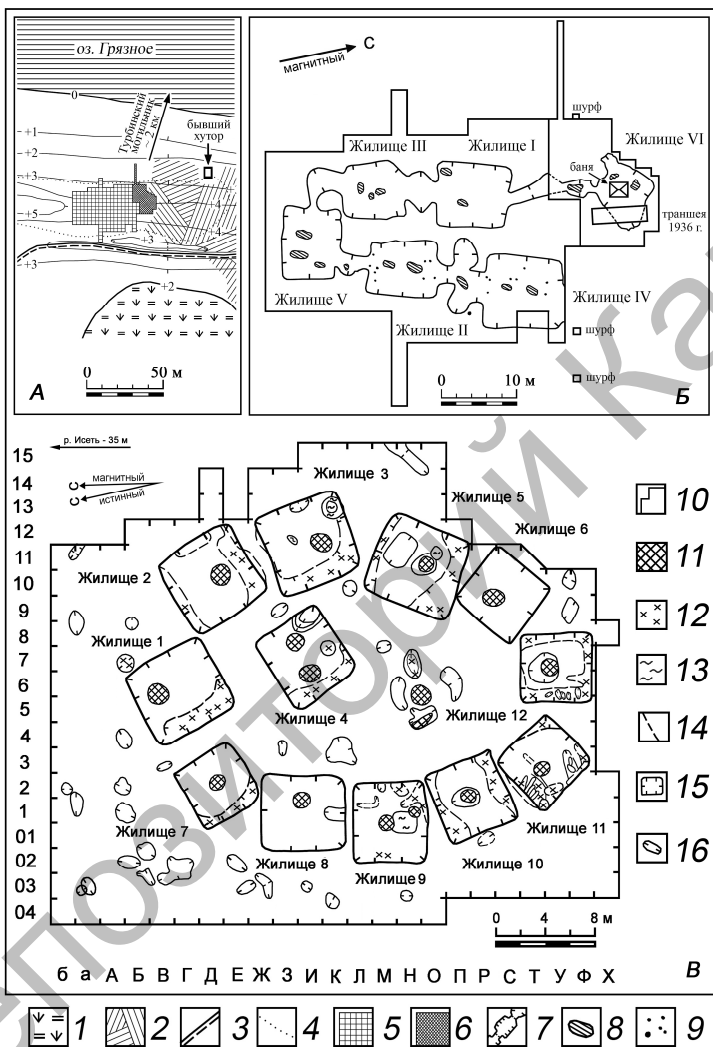

Рис. 10. Поселения Астраханцевское (А, Б) и Ташково II (В). Местонахождение (А) и планы памятников (Б, В). А – Пермское Прикамье, левый берег Камы, устье р. Чусовой, оз. Грязное. Энеолит и начало эпохи бронзы – гаринская культура. Раскопки Н.А. Прокошева 1934–1936 гг., О.Н. Бадера 1950 г. Б – Курганское Притоболье, левый берег Тобола, р. Исеть. Первая половина эпохи бронзы – ташковская

культура. Раскопки В.Т. Ковалевой 1982, 1984–1986 гг. Условные обозначения: 1 – болото; 2 – пашня; 3 – грунтовая дорога; 4 – границы распространения археологических материалов; 5 – раскопы 1934–1936 гг.; 6 – раскоп 1950 г.; 7 – котлованы жилищ; 8 – очаг; 9 – столбовые ямки; 10 – граница раскопа; 11 – очаг, прокаленный слой; 12 – граница углистого слоя; 13 – зола; 14 – граница серый углистый слой; 15 – котлован (углубленная часть) жилища; 16 – яма, канавка. *Примечание:* горизонталы на плане А – через 1 м

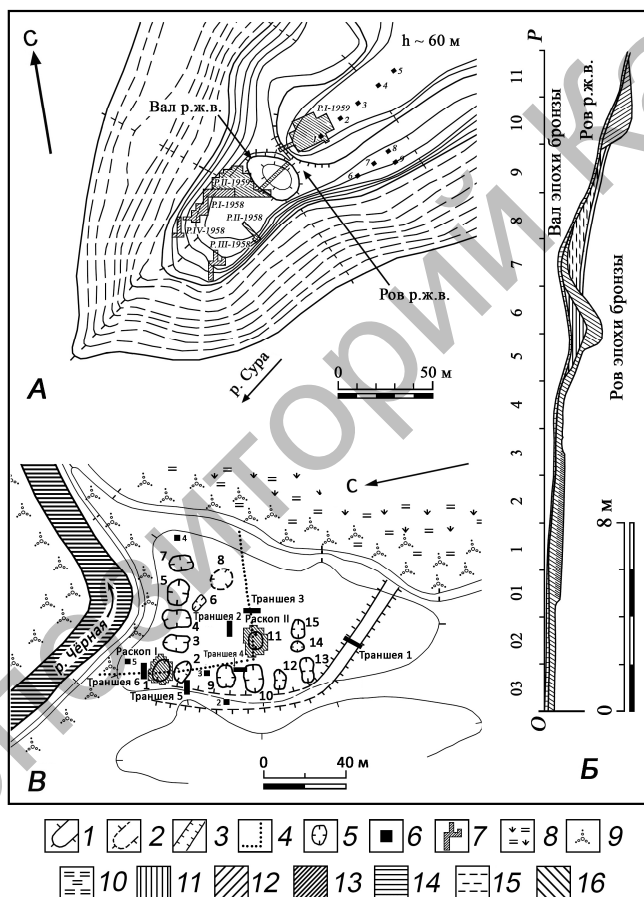

Рис. 11. Городища Васильсурское II (А, Б) и Камышное II (В). Планы памятников (А, В); Б – разрез оборонительных систем в раскопе I и траншее 1959 г. А – Марийское Поволжье, правый берег Волги, р.

Сура. Эпоха бронзы – чирковская культура; ранний железный век – ананьинская КИО. Раскопки А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой; В – Курганское Притоболье, р. Черная – приток Тобола. Средняя бронза – петровская или раннеалакульская культура (нижний горизонт); поздняя и финальная бронза – черкаскульская, саргаринско-алексеевская, андроновско-канайская, бархатовская и др. культуры; ранний железный век – гороховская, саргатская культуры. Разведка Г.А. Николаевой, Н.Н. Кумина 1971 г., раскопки Т.М. Потемкиной 1972–1973 гг. Условные обозначения: 1 – вал; 2 – распаханная часть вала; 3 – ров; 4 – границы городища средней бронзы; 5 – жилищная впадина поздней бронзы; 6 – шурф; 7 – раскоп; 8 – болото; 9 – кусты; 10 – прокаленная глина; 11 – дерново-лиственный покров; 12 – коричневатато-серый гуммированный суглинок; 13 – интенсивно гуммированный суглинок (заполнение котлована жилища); 14 – заполнение древнего рва; 15 – желтый суглинок (насыпь древнего вала); 16 – перемешанный суглинок

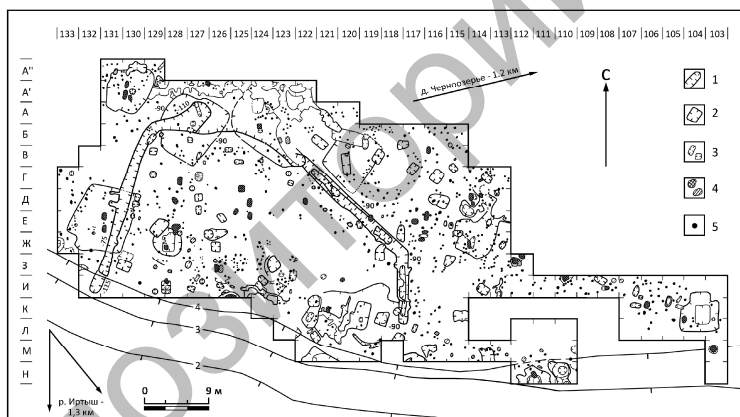

Рис. 12. Черноозерское (Чернозерье) VI городище и селище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш, левый берег. Первая половина эпохи бронзы – кротовская (городище) и логиновская (селище) культуры. Общий план памятника и раскопов. Разведка В.А. Овчинникова 1967 г., раскопки В.Ф. Генинга 1967–1969 гг., О.М. Кондратьева 1970 г., В.Т. Ковалевой 1972 г., Н.К. Стефановой 1978 г. Авторы плана: Н.К. Стефанова, В.И. Стефанов, В.А. Борзунов. Условные обозначения: 1 – ров; 2 – котлован жилища; 3 – ямы; 4 – очаги; 5 – ямка от столба. *Примечания:* горизонтالي – через 1 м; с плана удалены погребения поздней бронзы; на рис. 12–14 указан истинный север

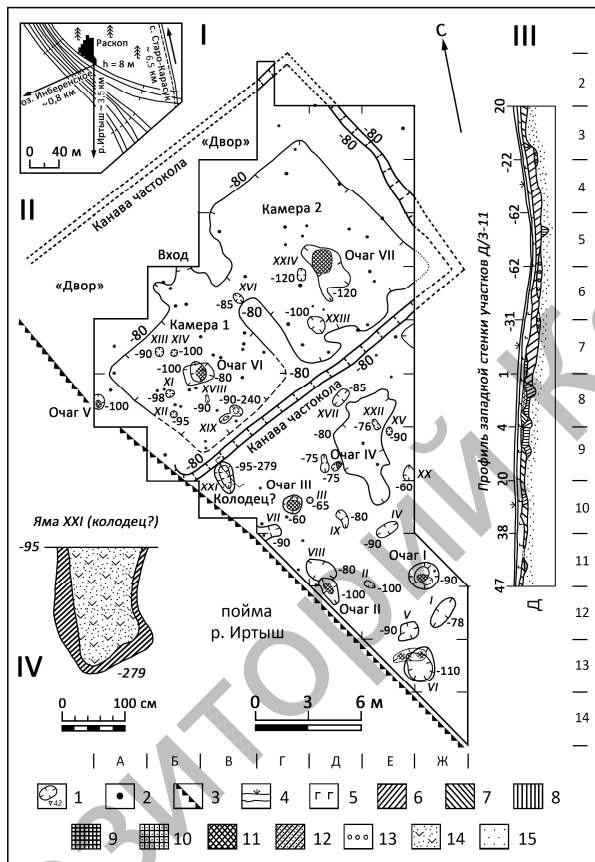

Рис. 13. Инберенское (Инберень) X городище и селище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш, левый берег. Первая половина эпохи бронзы – кротовская культура. Планы памятника (А), раскопа (Б), профиль по линии Д (В), разрез колодца – ямы XXI (Г). Разведка В.В. Тена и В.И. Стефанова в 1976 г., раскопки Н.К. Стефановой 1977–1978 гг. Условные обозначения: 1 – яма и ее глубина; 2 – ямка от столба; 3 – верхний край террасы; 4 – дерн; 5 – гумус; 6 – серая супесь; 7 – темно-серая супесь; 8 – погребенная почва; 9 – серо-черная супесь; 10 – черно-коричневая супесь; 11 – прокаленный слой; 12 – серо-желтая супесь; 13 – серо-коричневая супесь; 14 – переотложенный желтый песок; 15 – материковый песок. *Примечание:* глубины даны в см от условного нуля

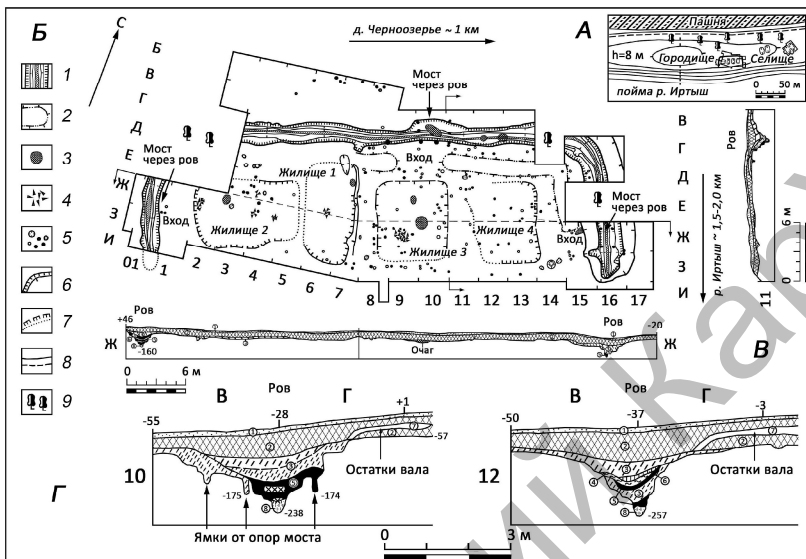

Рис. 14. Чернозерское (Чернозерье) I городище и селище. Среднее Прииртышье, р. Иртыш, левый берег. Эпоха бронзы – андроновская культурно-историческая общность, керамика черноозерского, федоровского и др. типов. I – план памятника; II – план раскопа; III – профили по линиям Ж и 11; IV – разрезы оборонительной системы. Разведка В.А. Овчинникова 1967 г., раскопки В.Ф. Генинга, Т.Н. Чебаковой 1967 г., В.Ф. Генинга, Н.К. Стефановой 1968 г., В.П. Викторова, В.А. Борзунова 1970 г. Условные обозначения на плане: 1 – ров; 2 – песчаный вал; 3 – очаги; 4 – остатки глинобитных печей; 5 – ямки от столбов; 6 – граница котлована жилища; 7 – предполагаемые границы котлована жилища; 8 – полевая грунтовая дорога; 9 – деревья, березовая роща. Условные обозначения слоев на профилях: 1 – переотложенный песок, «надув»; 2 – чернозем; 3 – мешанный слой; 4 – зольный слой; 5 – углистый слой; 6 – прокаленная глина; 7 – песчаная насыпь (вал, обваловка стены); 8 – серый песок; 9 – угли

ЛИТЕРАТУРА

Археология: учебник / под ред. В.Л. Янина. М.: Московский гос. ун-т, 2006. 608 с.

Бадер О.Н. Новый тип неолитического поселения на Урале // СЭ. 1949. № 2. С. 144–150.

Бадер О.Н. Астраханцевское поселение в устье Чусовой //

Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции М.: ИА АН СССР. 1959. Вып. 1. С. 87–112.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 76–83.

Бенеке Н., Васильев С.К., Молодин В.И., Мьльникова Л.Н., Нестерова М.С., Райнхольд С. Результаты археозоологического исследования материалов поселения кротовской культуры Венгеро-2 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. № 2 (49). С. 53–63.

Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г. Экспертные работы в Нижневартовском и Сургутском районах Тюменской области // Археологические открытия 1995 г. М.: Наука, 1996. С. 314–315.

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4. С. 5–23.

Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // РА. 2013. № 4. С. 20–34.

Борзунов В.А. Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы севера Западной Сибири // Stratum plus. 2015. № 2. С. 295–315.

Борзунов В.А. Укрепленные поселения энеолита таежного Приобья // РА. 2016. № 3. С. 34–44.

Борзунов В.А. Варианты реконструкции и тенденции развития стационарных жилищ эпох камня и бронзы таёжной зоны Западной Сибири // Stratum plus. 2018. № 2. С. 347–378.

Борзунов В.А. Древние укрепления лесной полосы севера Евразии. Т. 1: Неолит и энеолит. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2020а. 576 с.

Борзунов В.А. Миграции и укрепленные поселения на юге Западной Сибири в первой половине эпохи бронзы // Stratum plus. 2020б. № 2. С. 359–408.

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора П/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2010. С. 184–

220.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Бельтикова Г.В., Кузьминых С.В. Серный Ключ – памятник абашевской экспедиции в горно-лесную зону Среднего Урала // РА. 2020в. № 1. С. 117–131.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38 – укрепленное жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. № 2 (46). С. 55–69.

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев: Скиф, 2012. 308 с.

Васильев Е.А. Раскопки неолитического поселения Чэс-тый-яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Томский гос. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 296–301.

Викторов В. П., Борзунов В.А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. Томск: Томский гос. ун-т, 1974. Вып.15, С. 19–23.

Виноградов Н.Б. Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов и возможности их решения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Институт проблем изучения Севера СО РАН. 2017. Вып. 2 (37). С. 38–47.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: (археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей). Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. Т. 1. 408 с.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 67–111.

Горбунов В.С. Стратиграфия строительных горизонтов поселения Тюбьяк // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский гос. ун-т, 1993. С. 46–47.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья.

Уфа: Башкирский гос. пед. инс-т, 1986. 96 с.

Горбунов В.С. Тюбьяк // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 535.

Горбунова Т.А., Толпеко И.В. Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // Археологические открытия 2001 г. М.: Наука, 2002. С. 405–406.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Элексис Принт, 2008. 222 с.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск: Рифей, 1999. 444 с.

Григорьев С.А. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2008. С. 175–193.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Челябинск: Цицера, 2015. 496 с.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: колл. монография / отв. ред. Н.Б. Виноградов; науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учебное пособие. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: основы периодизации. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. 184 с.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21–42.

Зданович Г.Б. Аркаимский мир: введение // Аркаимский мир: взгляд в прошлое. Челябинск: Фонд «Наследие», 2019. С. 5–12.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Проблема освоения евразийских степей в эпоху бронзы и «Страна городов» Южного Урала // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2005. С. 110–128.

Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2002. С. 7–25.

Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 112–122.

Ивасько Л., Кондрашев А. Укрепленное поселение каменного века городище Каюково 2 // Вестник культуры. Ханты-Мансийск: Главное управление культуры ХМАО – Югры, 2001. Вып. 21. С. 2–3.

Илюков Л.С. Кто штурмовал Ливенцовско-Каратаевскую крепость? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 2. С. 122–125.

Илюков Л.С., Кияшко В.Я. Левенцовка (Ливенцовка) // Большая Российская Энциклопедия: в 35 т. (2004–2017). М.: РЭ, 2011. Т. 17 (Лас-Тунас – Ломонос). С. 111–112.

История Южного Урала: в 8 т. Т. 2: Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / науч. ред. А.В. Епимахов; ред., отв. за вып. Н.О. Иванова. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2019. 432 с.

Карачаров К.Г. Археологические исследования на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск: Томский гос. ун-т, 2004. С. 469.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. С. 29–47.

Ковалева В.Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит – начало бронзового века) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1993а. Вып. 21. С. 5–23

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2005. С. 102–109.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2000. 160 с.

Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннего бронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 153–164.

Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 54–67.

Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. Томск: Томский гос. ун-т, 1974. Вып. 15. С. 17–19.

Коробкова Г.Ф. Внутренняя структура эталонного поселения Михайловское (функционально-планиграфический подход) // Современные проблемы археологии России : мат-лы Всероссийского археологического совещания. Т. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 399–401.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры: Экология, жилища, орудия труда, система жизнеобеспечения, производственная структура. СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири: коллективная монография. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 60–85.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2020. 214 с.

Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. Салехард: Красный Север, 2000. Вып. 3. С. 13–23.

Косинцев П.А. Хозяйство ташковской культуры // XIV

Уральское археологическое совещание. ТД. Челябинск: Рифей, 1999. С. 82–83.

Кривцова-Гракова О.А. Абашевский могильник (раскопки 1945 г.) // КСИА АН СССР. 1947. Вып. 17. С. 92–98.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии?: Материальная культура племен андроновской общности и происхождения индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: Самарский гос. пед. инс-т, 1992. 128 с.

Кузьминых С.В. Михайловское поселение // Большая российская энциклопедия: в 35 т. – М.: РЭ, 2012. Т. 20. С. 499–500.

Кузьминых С.В. Пепкинский курган // Большая российская энциклопедия: в 35 т. М.: РЭ, 2014. Т. 25. С. 587

Кузьминых С.В. Фатьяновская культура // Большая российская энциклопедия: в 35 т. М.: РЭ, 2017. Т. 33. С. 210–211.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 39–44.

Макурова М.Р., Петров Ф.Н. Аркаим – «Страна городов». Путеводитель по «бронзовому кольцу» России. Челябинск: Абрис, 2017. 55 с.

Массон В.М. Алтын-Депе: раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. Л.: Наука, 1981. 176 с.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: Восточная литература, 1999. С. 45–59

Мерперт Н.Я. Древнейшие каменные крепости Болгарии // Новое в археологии. М.: Московский гос. ун-т, 1972. С. 46–55.

Мерперт Н.Я. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // РА. 1995. № 3. С. 28–46.

Мимоход Р.А. Средневожская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету / Археология евразийских степей. Казань: АН Республики Татарстан. 2022. № 2. С. 122–150.

Молодин В.И. Петровская культура в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Западной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 234–239.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2014. Серия: История и филология. № 13. Вып. 3. С. 136–167.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Кротовская культура в правобережном Прииртышье: новые исследования поселения Венгерovo-2 // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2015. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 3. С. 63–75.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Появление черт петровской культуры в кротовских комплексах // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2016. № 4 (16). С. 40–47.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Иванова Д.П., Головкин П.С., Селин Д.В., Фролова Л.А., Васильев С.К. Конструктивные и планиграфические особенности жилища № 5 поселения кротовской культуры Венгерovo-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Западной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 276–281.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерovo-2 и открытие неолитического могильника Венгерovo-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Западной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 199–205.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Борзых К.А. Организация жилого пространства носителями кротовской культуры (на примере поселения

Венгеро-2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Западной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVII. С. 237–240.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1993. Вып. 21. С. 143–169.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 152 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья: (эпоха камня и бронзы) // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. Т. 7. 152 с.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.Н., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т, 2001. 159 с.

Первалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «Графо», 2006. 352 с.

Погодин А.А. Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск: Томский гос. ун-т, 2010. Вып. 8. С. 146–183.

Погодин А.А., Миронов П.В. Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытъя 57 в Советском районе ХМАО – Югры (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск: Томский гос. ун-т, 2009. Вып. 7. С. 132–167.

Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2006. 192 с.

Потемкина Т.М. Камышное II – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА АН СССР. 1976. Вып. 147. С. 97–106.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1976. 168 с.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 124–131.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: учебное пособие. М.: Московский гос. ун-т, 2002. 226 с.

Савушкин К. Китайские археологи раскопали древний город неизвестной цивилизации. 23.09.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/53188008/> (дата обращения: 21.10.2021)

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале //СА. 1954. Вып. XXI. С. 52–94.

Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. 1952. Вып. XLV. С. 48–61.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 406 с.

Солдаткин Н.В. Жилая архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа: обзор источников // Научный диалог. Екатеринбург: Центр образовательных и научных проектов, 2018. № 1. С. 209–220.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; Марийский гос. ун-т, 2000. Т. 6. 264 с.

Соловьев Б.С., Никитина Т.Б. Селище Галанкина Гора // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Прикамья. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1999. С. 161–168.

Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 93–111.

Стефанов В.И., Стефанова Н.К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПИС СО РАН. 2001. Вып. 3. С. 15–22.

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек. Новосибирск: Наука, 1985. С. 54–62.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. С. 53–75.

Ткачев А.А. Исследования городища Абатское VI на Ишиме // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Институт проблем изучения Севера СО РАН. 2002. Вып. 4. С. 222–226.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Укрепленное поселение эпохи бронзы Барашки I // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: АлтГУ, 2008. С. 102–114.

Ткачев А.А., Зимина О.А., Ткачев Ал.Ал. Городище сузгунской культуры Абатское VI в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Институт проблем изучения Севера СО РАН. 2017. Вып. 4 (39). С. 15–27.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. К вопросу об укрепленных поселениях Урало-Иртышского междуречья эпохи бронзы // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1999. С. 219–226.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

Усманов И.Ю., Зданович Г.Б., Лобанкова И.П., Лебедев А.И., Алексеева Л.Д. Поселения эпохи бронзы хребта Ирэндык и протогорода аркаимско-синташтинского типа как элементы исторического культурного ландшафта // Вестник АН Республики Башкортостан. 2013. Т. 18. № 3. С. 42–49.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1960. 187 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган: Абашевский человек // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966. Т. III. 66 с.

Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА СССР. М.: Наука, 1963. № 110. С. 239–

268.

Халиков А.Х., Халикова Е.А. Галанкина Гора // Археологические открытия 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 111–112.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия северной Евразии (сейминско-турбинский феномен. М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Сейминско-турбинский транскультурный феномен // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 482–483.

Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 57–65.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Челябинск; Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 182–229

Шапошникова О.Г. Поселение раннебронзового времени у с. Волошское // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. 1957. Вып. 67. С. 94–96.

Щетенко А.Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 45–47.

Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. 360 с.

Аннотация: Неолитте Таяу Шығыстың алғашқы мал өсірушілері жакын аумақтарда тас пен сазды бекіністермен қоршалған әлемдегі алғашқы бекіністі елді мекендер пайда болып, таралады (VIII – VI басы; VI соңы – б.з. д. IV мыңжылдықтың соңы). Энеолит пен қола дәуірінде (III-II мыңның бірінші жартысы. б. з. д.), әр түрлі этносаралық байланыстардың, ең бастысы – егіншілік пен мал шаруашылығының үлкен массаларының әр түрлі көші-қонының арқасында бекіністі кенттер, мұнара тұрғын үйлері, прото-қалалар, қалашықтар мен әртүрлі қорғаныс сәулеті бар ғибадат орталықтары алдыңғы және Орталық Азияның, Египеттің, Кавказдың, солтүстік-батыс Үндістанның, Батыс және Шығыс

Азияның алғашқы және ерте таптық қоғамдарында таралуда. Шығыс Еуропа (солтүстік орман аумақтарын қоспағанда), сондай-ақ Оңтүстік Орал, Қазақстан және Батыс Сібірдің оңтүстігін қоса алғанда, Еуразия орманды далаларының далалары мен қалыптасып келе жатқан белдеуінде таралды. Осыған қарамастан, неолит, энеолит және қола дәуірінің бірінші жартысында Хуанхэ және Янцзы аңғарларында (IV, III орта-б. з. д. II мыңжылдықтың ортасы), сондай – ақ Еуразия континентінің солтүстігінде Тайга Обы мен Жайық аңшы – балықшыларында жер және ағаш бекіністері бар елді мекендер пайда болады (VI – IV, III-б.з. д. II мыңжылдықтың ортасы).

Кілт сөздер: Ескі әлем, Еуразиялық дала, Батыс Сібір, неолит, энеолит, қола дәуірінің басы, бекіністі орталықтар.

Annotation: In the Neolithic, among the primitive farmers-pastoralists of the Middle East, the world's first fortified settlements surrounded by fortifications made of stone and clay (VIII – beginning of VI; end of VI – end of IV millennium BC) originate and spread in the nearest territories. In the Eneolithic and the Bronze Age (III – the first half of the II millennium BC), due to various interethnic contacts, and most importantly, the multi-temporal migrations of large masses of the agricultural and pastoral population, fortified settlements, tower dwellings, proto-cities, settlements and cult centers with diverse defensive architecture spread in the primitive and early class societies of Western and Central Asia, Egypt, the Caucasus, Northwestern India, Western and Eastern Europe (with the exception of the northern forest territories), as well as in the steppes and the emerging forest-steppe belt of Eurasia, including the Southern Urals, Kazakhstan and south of Western Siberia. Regardless of this, in the Neolithic, Eneolithic and the first half of the regional Bronze Age, settlements with earth and wood-earth fortifications appeared in the societies of pastoralists of the Huang He and Yangtze valleys (IV, middle III – middle II millennium BC), as well as far in the north of the Eurasian continent – among hunters-fishermen of the taiga Ob' and Trans-Urals (VI-IV, III – the middle of the II millennium BC).

Keywords: Old World, Eurasian steppes, Western Siberia, Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age, fortified centers.